

European Journal of Law and Political Sciences

Nº 3 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

European Journal of Law and Political Sciences

Scientific journal

№ 3 2016

ISSN 2310-5712

Editor-in-chief

Orzechowska Kamila, Poland Doctor of Law

International editorial board

Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law

Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law

Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Law, Doctor of Economics

Gromov Vladimir Gennadievich, Russia, Doctor of Law

Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences

Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law

Jovanović Lidija, Croatia, Doctor of Political Sciences

Kartunov Alexey Vasilevich, Ukraine, Doctor of Political Sciences

Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law

Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences

Olteanu Oana, Romania, Doctor of Political Sciences

Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law

Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences

Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies

and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Law and Political Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Political science

Section 1. Conflictology

Marukhovska-Kartunova Olga Alexandrovna,
University of Economic and Law «KROK», PhD in Philosophy,
professor of Social Sciences Department (Kyiv, Ukraine)
E-mail: alexkartunov@gmail.com

Ethnopolitical conflict studies in Ukraine: process of formation and perspectives of scientific institutionalization

Abstract: The article is devoted to analysis of the processes of formation in Ukraine the Ethnopolitical Conflict Studies as a new field of scientific knowledge, educational discipline and the art of conflict resolution. Some achievements were shown and a few shortcomings in this field were marked. The author of the article proved the necessities, called the problems and specified perspectives of its scientific institutionalization in Ukraine.

Key words: ethnopolitical conflicts, Ethnopolitical Conflict Studies, processes of formation, Ukraine, achievements, shortcomings, perspectives, scientific institutionalization.

As is known the processes of forming of new sciences and their institutionalization are difficult, contradictory and protracted enough. They can last by decades and made reality by the efforts of a few generations of scientists. Illustrative example of such situations may be the formation and scientific institutionalization of Ethnopolitical Conflict Studies (Ethnopolitical Conflictology) in general, and particularly in Ukraine. Unfortunately, still almost unexplored, firstly, the history of the formation of this new field of knowledge, and, secondly, problems and prospects for this process in our country. The Ukrainian scholars still analyzed these problems only partially, indirectly and in passing. As for foreign researchers, it seems that only a few of them are interested in these issues. This makes this problem *actual* and the article itself — *innovative*.

Therefore, *the purpose* and *main objectives* of this *article* are: a) to give an extremely brief analysis of the processes of formation in Ukraine Ethnopolitical Conflict Studies; b) to identify its shortcomings and c) to clarify and highlight the prospects of its scientific institutionalization.

First, we note that at the time of declaration of the Ukrainian independence (1991) there existed no Ethnopolitical Conflict Studies or its compo-

nents such as Ethnology, Political Science, Ethnic Political Science and Social Conflict Studies (Conflictology). The initiative for the establishment of these new sciences then took the Ukrainian researchers-enthusiasts who knew foreign languages and visited Western countries, where they had an opportunity to study the object and subject of these sciences. By such Ukrainian researchers then became V. Evtukh [1], A. Kartunov [2], A. Mayboroda [3] and a few others. Their pioneering publications helped to spread in Ukraine the information about the basic provisions of such sciences as Ethnology, Political Science and Ethnic Studies. But the most significant importance had the ideas and concepts of Ethnic Conflict Studies and Ethnopolitical Conflict Studies of such Western scholars as G. Elmer [4], M. Esman [5], T. Gurr [6], P. Katzenstein [7] and many others distributed by Ukrainian researchers. The Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine began to emerge and form just on the concepts of these mentioned Western scientists.

Significant indirect contribution to the emergence and formation of Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine was made by the scientists of the Institute of Political and Ethnic Studies named after I. Kuras of National Academy of Sciences of

Ukraine (NASU), the Institute of State and Law named after V. Korytsky of NASU, and the lecturers of some universities. We mean, first of all, S. Aslanov [8], A. Kartunov [9], I. Kuras [10], I. Kresina [11, 12], L. Loyko [13], A. Mayboroda [14], M. Panchuk [15], O. Rafalsky [16], Y. Rymarenko [17, 18], S. Rymarenko [19], I. Varzar [20] and others. A significant role in the development of these sciences, and thus indirectly in formation of the Ethnopolitical Conflict Studies, played a few special terminological dictionaries and encyclopedias on these issues [21, 22].

A landmark event on the way of institutionalizing of these sciences was the approval in 1997 by the Higher Attestation Commission of Ukraine of a new scientific specialty, particularly 23.00.05 — «Ethnopolitical Science» (Ethnopolitology) and «Ethnic-State Relations Study» (Etnoderzhavoznavstvo). By the way, doctoral theses on the problems of Ethnopolitical Conflict Studies began to defend and is defending now within the framework of this specialty.

Indeed pivotal and important both for the establishment and for institutionalization of the Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine was the International Scientific Conference «Ethnopolitical Conflicts in the post-totalitarian space», which took place in Kiev in 1999 [23]. Its materials have contributed significantly to the growth of interest of the scientific community of Ukraine in these problems and fostered its research activities.

As for the direct contribution to the process of the birth and formation of Ethnopolitical Conflict Studies, it is worth noting that the author of this article was one of the first in Ukraine who in the early 90's began to actively use the term «ethnopolitical conflicts». She also suggested the name of new science — «Ethnopolitical Conflict Studies», gave it a detailed definition and introduced to a wide scientific use: «***Ethnopolitical Conflict Studies*** is a science about the reasons of origin, trends of development of ethnopolitical conflicts, their essence, character, place and role in community life, ways, methods and facilities of their prognostication, timely exposure and constructive management, prevention of escalation, civilized resolution, and also providing consensus and ensuring of ethnopolitical stability, security

and peace» [24, 190]. The author of this article also produced several instructional materials [25] and in 1999 began to lecture on this subject at the University of Economic and Law «KROK» (Kiev).

It is also necessary to mention the works of A. Kisse [26], V. Kotyhorenko [27], G. Perepelitsya [28], T. Senyushkina [29] and others. In the mid-2000s they, in their doctoral dissertations, began to investigate specifically and thoroughly the nature, causes, dynamics and consequences of ethnopolitical conflicts, and most importantly — the ways and methods of prevention of their escalation and resolution.

It is also necessary to pay attention to two growing trends emerging in Ukraine since the mid-2000s. The first trend — a significant increase of the number of PhD (candidate's) dissertations in particular those which were dedicated to the analysis of the ethnopolitical conflicts [30, 31, 32, 33, 34]. The second trend is an impressive increase of scientific monographs [35, 36, 37, 38, 39] and articles on this subject and improvement of their quality.

In general, during a quarter of a century there were ***some achievements in the field of Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine***: 1) Three generations of scientists who investigate ethnopolitical conflicts specially, thoroughly and professionally were formed. 2) A new scientific specialty 23.00.05 — «Ethnopolitical Science» and «Ethnic-State Relations Study» was launched, as mentioned above; 3) 4 doctoral and about 15 PhD (candidate's) dissertations, directly on this subject, were defended. 4) Several new scientific schools of «Ethnopolitical Science» and «Ethnopolitical Conflict Studies» were formed. Their «founding fathers» were V. Evtukh, O. Kartunov, V. Kotyhorenko, I. Kresina, A. Mayboroda, M. Panchuk, O. Rafalsky, I. Varzar etc. 5) Dozens of books and hundreds of scientific articles devoted to the analysis of ethnopolitical conflicts were written and published. 6) The shift of research paradigms took place. Ukrainian scientists have refused from the Soviet paradigm of absence of any conflicts in polyethnic socialist societies and the perception of conflict as a simply destructive epiphenomenon. They moved to the position of the paradigms that well known as the conflict, compromise and consensus paradigms. These paradigms require

a perception of conflicts, including ethnopolitical conflicts, as complex, contradictory and ambivalent constructive and destructive phenomena. 7) The research field of a new scientific direction or a new field of knowledge — Ethnopolitical Conflict Studies — were defined and characterized. 8) The new Ukrainian terms and definitions in the field of Ethnopolitical Conflict Studies were coined and proposed for the wide scientific use. 9) Theoretical, conceptual and methodological tools necessary for ethnopolitical conflict research were created and from that time they are continually updating and expanding. 10) Several projects of the concept of the state ethnopolitical policy aimed at preventing of the escalation of ethnopolitical conflicts and their political and legal solution, as well as at the strengthening of national unity and the restoration and preservation of the territorial integrity of Ukraine were elaborated. Unfortunately, none of them was adopted by the Supreme Council (Verkhovna Rada) of Ukraine. 12) A series of official messages of practical recommendations as for the solution of problems associated with the restoration and strengthening of ethnopolitical security of Ukraine were elaborated for the different government agencies. 13) Special departments, one of the main aims of which is to study ethnopolitical conflicts and to prepare appropriate recommendations for their resolution were created in three public research institutions, exactly in the Institute of Political and Ethnic Studies named after I. Kuras of NASU, the Institute of State and Law named after V. Koretsky of NASU and National Institute of Strategic Research.

Thus there are solid grounds to conclude that in Ukraine Ethnopolitical Conflict Studies as a new field of scientific knowledge, perspective educational discipline and the art of preventing the escalation of ethnopolitical conflicts, their management and resolution are gradually emerging. All of the above mentioned is evidence of not only the strengthening of the process of the formation of Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine but may consider as a notable step towards its scientific institutionalization.

Clearly, that *the Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine*, like any other new branch of scientific knowledge, at the same time *has a few shortcomings*. The main among them are following: 1) Lack

of the works devoted to the study of principles and methods of transformation of a powerful explosive, destructive potential of ethnopolitical conflicts into a constructive energy. 2) Inability of researchers of conflicts which take place in the ethnopolitical sphere, to agree on the conceptual and terminological tools and interpretation of the nature of such conflicts. 3) Insufficient attention to the analysis of the problems associated with the transformation of ethnopolitical conflicts in ethnic civil wars, and most importantly — to prevent such a development, to stop the hostilities if they began and to restore peace and establish post-war cooperation. 4) Lack of special collective works prepared jointly by representatives of Ethnopolitical Conflict Studies, Ethnopolitical Science, Ethnic Sociology, Ethnic Psychology, Ethnic History and other related disciplines. 5) Shortage of the works devoted to the proofs of necessity to limit the use of the hate speech in mass media and to promote of ideas of reconciliation and mutual forgiveness of all participants of the ethnopolitical conflict. 6) Lack of initiative and persistence to create in Ukraine a scientific professional public association of specialists of ethnoconflict studies.

Thus, the specialists of Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine have a lot of work to eliminate these and other shortcomings, and to develop a new methodological and theoretically-conceptual basis of this field of science and its further development.

At the same time, there is the question of the further scientific institutionalization of Ethnopolitical Conflict Studies in Ukraine. In our view, for achievement of this purpose by a *new science and its materially impoverished representatives there are quite necessary*: 1) The own special periodical magazine or even permanent appropriate column in some ethnopolitical or ethnoconflictological journals that in a country while it is not yet. 2) A special scientific research center on the ethnopolitical conflicts. 3) The inclusion of Ethnopolitical Conflict Studies in the curriculum of the universities in Ukraine, though in the status of selective discipline. 4) Moral support and decent material incentives from the state and public institutions for specialists in Ethnopolitical Conflict Studies. This is at least the allocation of funds for free publication of the scientific monograph and 20 articles which are needed

for defense of doctoral theses and 5 articles for the defense of candidate theses. 5) Full compensation of all costs related to printing of their articles in foreign journals, especially in SCOPUS. Because the cost of publishing only one such article there is often more than the monthly salary of the fellow of academic institution or university lecturer. It is wonder if our foreign colleagues know about this, to put it mildly, paradoxical facts? 6) Regular business contacts with the foreign ethnoconflictological centers and the opportunity to have special grants for the development of research projects on the most pressing problems. As is known, it is quite better to invest in the business, which will prevent the escalation of ethnopolitical conflicts than to waste big money in their resolution and elimination of their catastrophic consequences. 7) Free access, though for the leading Ukrainian researchers of ethnopolitical conflicts, to the electronic books of the Western libraries and to the necessary journals. As it is well known the access to the full text of only one of such articles cost from \$ 10 to \$ 20. Sometimes, it is more than a per week salary of Ukrainian scientist or teacher. But how they can get acquainted with the new achievements of Western science? And how they can be by the supervisors of their students, post-graduate students and doctorants? And how it relates to the ideas of Cyber-communism and E-mutualism by which the West boasts very often?

It does not necessary to prove that the formation and institutionalization of any new field of scientific

knowledge is a very complex, controversial, lengthy and costly process. Especially it is true in the case of an extremely neglected, interdisciplinary, but vitally necessary field as with the Ethnopolitical Conflict Studies. And especially in a country (like Ukraine) which is in the process of transition and also in conditions of prolonged warfare.

Thus, the process of scientific institutionalization requires huge efforts and investments not only from the Ukrainian scientists-enthusiasts, but also from the whole society, the state and especially from the international scientific community. Nevertheless there is no another alternative than institutionalization of Ethnopolitical Conflict Studies as a science, educational discipline and an art of preventing ethnopolitical conflicts in all multiethnic countries, including Ukraine.

Instead of the final conclusion, it is worth, in our view, to mention a warning of some researchers of conflicts: «Maybe, XXI century will put humanity before an alternative: either it will become the century of conflictology or it will be the last century in history of civilization» [40, 5].

To this sensible warning, two very important additions are necessary to add. Firstly, the whole mankind and Ukraine already have faced this above mentioned alternative, and, secondly, we should bear in mind not only and not so much the development of Social Conflict Studies but the formation and scientific institutionalization of Ethnopolitical Conflict Studies.

References:

1. Євтух В.Б. Концепції етносоціального розвитку США і Канади: типологія, традиції, еволюція/В.Б. Євтух – К.: Наукова думка, 1991. – 180 с.
2. Картунов О.В. Вступ до етнополітології: науково-навчальний посібник/О.В. Картунов – К.: Ін-т економіки, управління та господарського права, 1999. – 300 с.
3. Майборода А.Н. Теорія етнополітики в західному суспільствознавстві: структура і принципи дослідження/А.Н. Майборода – К.: Наукова думка, 1993. – 228 с.
4. Elmer G. Ethnic Conflicts Abroad: Clues to America's Future?/Glaister Elmer. – Monterey, VA: American Immigration Control Foundation, 1968.
5. Esman M. (ed.) Ethnic Conflict in the Western World/Milton J. Esman – Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1977. – 399 p.
6. Gurr T. Minorities at Risk: A Global view of Ethnopolitical Conflicts/Ted Robert Gurr – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1993. – 427 p.
7. Katzenstein P. Ethnic Political Conflict in South Tyrol/Peter Katzenstein//Esman M. (ed.). Ethnic Conflict in the Western World – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1977. – P. 287–323.

8. Асланов С. А. Етнополітична стабільність держави: політико-правовий аналіз: [монографія] / С. А. Асланов – Ужгород: Ліра, 2016. – 462 с.
9. Картунов О. В. Західні теорії етнічності, нації та націоналізму: Навч. посібник / О. В. Картунов – К.: Ун-т економіки та права «КРОК», 2007. – 192 с.
10. Курас І. Ф. Етнополітика: історія та сучасність. Статті, виступи, інтерв'ю 90-х років / І. Ф. Курас – К.: ІПіЕНД, 1999. – 656 с.
11. Кресіна І. О. Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси: (Етнополітологічний аналіз): [монографія] / І. О. Кресіна – К.: Вища школа, 1998. – 392 с.
12. Правові механізми врегулювання етнополітичних конфліктів в Україні: Наукова записка / Кресіна І. О. (кер. авт. кол.), Кубальський О. Н., Стоєцький С. В., Соїко О. М., Шемшученко Ю. С., Явір В. А. – К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2011. – 104 с.
13. Лойко Л. І. Громадські організації етнічних меншин України: природа, легітимність, діяльність: [монографія] / Л. І. Лойко – К.: Поліграф. центр «Фоліант», 2005. – 633 с.
14. Майборода О. М. Етнічність у міжнародній системі: [монографія] / О. М. Майборода – К.: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2015. – 408 с.
15. Крим в етнополітичному вимірі / М. І. Панчук – керівник авт. кол.; В. А. Войналович, В. О. Котиго-ренко, О. О. Рафальський – К.: Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2005. – 533 с.
16. Рафальський О. О. Національні меншини України у ХХ столітті. Історіографічний нарис: [монографія] / О. О. Рафальський – К.: Поліус, 2000. – 447 с.
17. Римаренко Ю. І. Нація і держава. Теоретико-методологічний та концептуальний аналіз / За ред. Ю. І. Римаренка – Київ-Донецьк: НАН України, 1998. – Кн. 1–2. – 675 с.
18. Римаренко Ю. І. Етнос. Нація. Держава: Україна в контексті світового етнодержавницького досвіду / Ю. І. Римаренко, М. М. Вівчарик, О. В. Картунов, І. О. Кресіна, С. Ю. Римаренко, Л. Є. Шкляр – К.: Ін-т держави і права НАН України, 2000. – 516 с.
19. Римаренко С. Ю. Самовизначення особи, нації, держави: [монографія] / С. Ю. Римаренко; ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАНУ – К.: Вид. дім «Юридична книга», 2000. – 542 с.
20. Варзар І. М. Політична етнологія: пропедевтичний курс: авторський підручник / І. М. Варзар – 2-ге вид. – К.: ДП «Видавничий дім «Персонал», 2011. – 354 с.
21. Мала енциклопедія етнодержавознавства / НАН України. Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького; Редкол.: Ю. І. Римаренко (відп. ред.) та ін. – К.: Довіра; Генеза, 1996. – 942 с.
22. Міграційні процеси у сучасному світі: світовий, регіональний та національний виміри. (Понятійний апарат, концептуальні підходи, теорія та практика): Енциклопедія / Упоряд. Ю. І. Римаренко; За ред. Ю. І. Римаренка – К.: Довіра, 1998. – 912 с.
23. Етнополітичні конфлікти у посттоталітарному просторі. Авт. колектив. Відп. ред. Ю. І. Римаренко, І. І. Тимошенко, Є. І. Степанов / Збірник статей. / Міжнародна асоціація конфліктологів – К.: Вид-во Укр.-фін. ін-ту менеджменту і бізнесу, 1999. – 279 с.
24. Маруховська О. О. Етнополітична конфліктологія: зародження, визначення та основні закономірності нової дисципліни / О. О. Маруховська // Генеза: Філософія. Історія. Політологія. – 1998. – № 1–2. – С. 188–193.
25. Маруховська О. О. Етнополітична конфліктологія: навчально-методичний комплекс дисципліни для студентів магістратури спеціальності «Міжнародна інформація» / Маруховська О. О. – К.: Ун-т економіки та права «КРОК», 2007. – 50 с.
26. Кіссе А. І. Політико-правові засади управління етнічним конфліктом: автореф. дис... на здобуття наук. ступеня доктора політ. наук: спец. 23.00.05 / А. І. Кіссе; НАН України, Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького. – К., 2006. – 33 с.

27. Котигоренко В. О. Етнічні протиріччя і конфлікти в сучасній Україні: політологічний концепт: автореф. дис. ... докт. політ. наук: спец. 23.00.05/В. О. Котигоренко; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького.– К., 2005. – 39 с.
28. Перепелиця Г.М. Воєнно-політичний конфлікт: методологія дослідження та врегулювання: автореф. дис... д-ра політ. наук: спец. 23.00.02 / Перепелиця Г.М.; НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. – К., 1996. – 38 с.
29. Сенюшкіна Т.О. Державні механізми управління етнічними конфліктами: автореф. дис... д-ра наук з держ. упр.: спец. 25.00.02 / Т.О. Сенюшкіна; Нац. академія держ. управління при Президентові України. – К., 2007. – 36 с.
30. Дирун А. В. Динаміка суспільно-політичного розвитку республіки Молдова в контексті етнополітичного конфлікту: Автореф. дис ... канд. політ. наук: спец. 23.00.02/А. В. Дирун; Одес. нац. юрид. акад. – О., 2005. – 17 с.
31. Дацюк А. В. Збройні етнополітичні конфлікти та шляхи їх врегулювання в контексті забезпечення національної безпеки держави: Автореф. дис ... канд. політ. наук: спец. 21.01.01/А. В. Дацюк; Рада нац. безпеки і оборони України. Нац. ін-т пробл. міжнар. безпеки. – К., 2007. – 20 с.
32. Котелянець О. О. Врегулювання етнополітичних конфліктів на Південному Кавказі як чинник формування регіональної системи безпеки: автореф. дис. ... канд. політ. наук: спец. 21.03.02/О. О. Котелянець; Рада нац. безпеки і оборони України; Нац. ін-т проблем міжнар. безпеки. – К., 2010. – 21 с.
33. Родик Г. Ю. Комунікативні особливості менеджменту етнополітичного конфлікту: автореф. дис. ... канд. політ. наук: спец. 23.00.05/Родик Г. Ю. НАН України, Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького. – К., 2014. – 19 с.
34. Червінка І. М. Механізми врегулювання етнополітичних конфліктів у діяльності міжнародних організацій: автореф. дис. ... канд. політ. наук: спец. 23.00.04/Червінка І. М. Чернів. нац. ун-т ім. Юрія Федьковича – Чернівці, 2015. – 20 с.
35. Кіссе А. І. Етнічний конфлікт: теорія і практика управління Політологічний аналіз: [монографія]/А. І. Кіссе – К.: Логос, 2006. – 380 с.
36. Котигоренко В. О. Етнічні протиріччя і конфлікти в сучасній Україні: політологічний концепт: [монографія]/В. О. Котигоренко – К.: Світогляд, 2004. – 722 с.
37. Коцур В. В. Етнополітичний конфлікт у Придністров'ї у контексті українсько-молдовських міждержавних відносин: [монографія]/Коцур В. Р.; [наук. ред. М. І. Панчук]. – К.: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса, 2013. – 272 с.
38. Перепелиця Г. М. Конфлікти в посткомуністичній Європі: [монографія]/Г. М. Перепелиця; Нац. ін-т стратегічних досліджень. – К.: ПЦ «Фоліант», 2003. – 432 с.
39. Сенюшкіна Т. О. Попередження та врегулювання етнічних конфліктів: державно-управлінський вимір (проблеми теорії, методології, практики): [монографія]/Т. О. Сенюшкіна – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2005. – 368 с.
40. Анцупов А. Я. Конфликтология: Учебник для вузов/Анцупов А. Я., Шипилов А. И. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 551 с.

*Medovkina Lina Yuryevna,
Donetsk National University, Historic faculty
PhD, Associate Professor, Associate Professor of international
relations and foreign policy
E-mail: MedovkinaL@gmail.com*

History of the information wars

Abstract: the article describes the creation, change, characteristics of the information wars' implementation at different times. It was found that the theories of information and psychological warfare were developed already during and after the First World War. The main feature of the information war of different eras was the propaganda which had been carried out for the idea of national state.

Keywords: information war, leaflets, war, propaganda, psychological warfare.

*Медовкина Лина Юрьевна
Донецкий национальный университет
Исторический факультет
к. и. н., доцент, доцент кафедры международных
отношений и внешней политики
E-mail: MedovkinaL@gmail.com*

История возникновения информационных войн

Аннотация: В статье рассмотрены возникновения, изменения, особенности осуществления информационных войн разными государствами в разные эпохи. Установлено, что теории информационной и психологической войны стали разрабатываться уже во время и после Первой мировой войны. Главной особенностью информационной войны разных эпох являлась осуществляемая пропаганда за национальные идеи государства.

Ключевые слова: информационная война, листовки, война, пропаганда, психологическая война.

Мировое информационное пространство в XXI веке заполнено информационными войнами. С каждым годом их количество растёт и уже термин «информационная война» воспринимается без удивления и становится обычным явлением во время как внутригосударственного, так и международных конфликтов. Многие предполагают, что информационные войны пришли к нам только в XX веке, вместе с эрой технологий, но это не так.

Один из первых случаев применения информационно-психологического влияния относится ещё к V веку до н. э., когда персидский царь Ксеркс I, пытаясь утратить эллинов, распространял слухи о гигантских размерах своей армии [1, с. 21–29].

Упоминание об информационных войнах, встречается у Сунь Цзы в «Трактате о военном

искусстве». Как свидетельствуют исследования зарубежных ученых, этот трактат был написан полководцем и стратегом в IV веке до н. э. (приблизительно 380–325 годы до н. э.). В трактате выделяется один из важных методов психологического влияния во время войны, а именно дезинформация, обман. Он писал: «Война — это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься...» [6, с. 53].

Нельзя оставить без внимания и важный памятник права стран Древнего Востока — свод древнеиндийских законов Ману. Их составление относят ко II в. до н. э. — I в. н. э. Согласно этим Законам Ману, войска противника следует поощрять к мятежу, внося раскол в ряды тех, кто

к этому склонен. Этим принципом пользовались многие стратеги античности, средневековья и нового времени [1, с. 21–29].

Так в итальянских и австрийских компаниях в 1804–1807 гг. Наполеон Бонапарт умело использовал газеты и корреспондентов нейтральных государств (Швейцария, Англия) для распространения дезинформации про расположения собственных войск.

В XX веке информационные войны стали частью военной политики государств [2, с. 59–78]. Например, в Первую мировую войну в Великобритании было создано так называемое Бюро военной пропаганды (1914 г.), которое позже переименовано в Управление военной информации. Во Франции при втором отделе генерального штаба министерства обороны был создан отдел Службы военной пропаганды (1915 г.). Оба учреждения занимались распространением пропаганды среди военных и гражданских лиц других государств. В 1917 г. США создали психологическую секцию при разведслужбе штаба экспедиционных войск. Основными средствами ведения информационной войны в то время были листовки, открытки, газеты; в качестве технических средств русской армией использовались громкоговорители [2, с. 120].

Сразу после Первой мировой войны вырос интерес к этому явлению. Во многих государствах мира стали появляться работы по психологическим методам ведения войны. Английский исследователь психологической войны П. Г. Уорбертон писал: «В современное время основной задачей в войне является не уничтожение вооруженных сил противника, как это было раньше, а подрыв морального состояния населения вражеской страны в целом до такого уровня, чтобы оно заставило свое правительство пойти на мир. Вооруженное столкновение армий — это лишь одно из средств для достижения этой цели» [8, с. 132–133].

Таким образом, теория информационной и психологической войны стала разрабатываться уже во время и после Первой мировой войны. До Второй мировой войны существовала активная пропаганда режимов: в Германии 1933–1941 гг. — нацистская пропаганда, в СССР — коммунистическая и антикапиталистическая,

в США и Великобритании — капиталистическая и антикоммунистическая. Во время Великой Отечественной войны акценты быстро сдвинулись в сторону антинацистской пропаганды [2, с. 201–214].

В это время уже функционировали органы государственной пропаганды [5, с. 520]. В СССР это были Бюро военно-политической пропаганды и 7-е управление ГлавПУР РККА. В нацистской Германии работали Министерство народного просвещения и пропаганды и Верховное главнокомандование Вермахта. Свои органы пропаганды существовали в США и Великобритании. Во время войны применяемые методы психологического воздействия часто имели высокую эффективность. Несмотря на развитие информационных технологий в то время, по-прежнему больше всего пропаганды существовало в виде листовок и плакатов. Активно применялось также радиовещание на языке противника [4, с. 69–84].

После Второй мировой войны теория психологической войны обогатилась. На фоне противоборства СССР и США во время Холодной войны, а также в локальных войнах, происходивших в это время, информационные войны стали приобретать новые очертания. Так, в 1950 году в США создано Управление психологической войны, которое вело пропагандистскую войну (в том числе при помощи так называемых «агитационных снарядов») во время Корейской войны [6, с. 149–151]. В свою очередь, пропагандистские органы Корейской народной армии и Народно-освободительной армии Китая при поддержке аппарата пропаганды Вооружённых сил СССР производили масштабное психологическое воздействие на военных Южной Кореи и США, причём более успешное [6, с. 98–109].

Результаты Корейской войны были критически переосмыслены в США, и уже в 1955 году принято новое положение «Ведение психологической войны», в котором подчёркивалось: «Психологическая война включает мероприятия, при помощи которых передаются идеи и информация для оказания влияния на сознание, чувства и действия противника. Они проводятся командованием в сочетании с боевыми операциями в целях подрыва морального духа противни-

ка в соответствии с политикой, провозглашённой руководящими инстанциями». Управление психологической войны было переименовано в Управление специальных методов войны, назначение которого обосновал генерал У. Троскел: «Специальные методы войны — это соединение приемов, форм и методов психологической войны с другими средствами, направленными на подрыв противника изнутри. Они расширяют поле боя и превращаются из временно действующего тактического средства ограниченного воздействия в мощное стратегическое оружие, имеющее большие потенциальные возможности» [6, с. 151–152].

Органы пропаганды США применяли новые наработки во время войны во Вьетнаме [4, с. 145–147]. Помимо жестоких чисток американскими войсками вьетнамских деревень и городов, они активно внедряли технологии внушения страха у населения и военных, используя все знания о культуре и суевериях вьетнамцев. Информационно-психологическая обработка деморализовала армию противника и предшествовала физическому уничтожению. Во время этой войны были первые попытки использовать телевидение в качестве средства распространения пропаганды, также предпринимались попытки создания компьютерных баз данных для накопления и обработки информации и информационную систему RAMIS [2, с. 319–331]. Поражение США во Вьетнамской войне способствовало очередному пересмотру тактики и стратегии ведения информационно-психологической войны [8, с. 137–138].

Война в Афганистане 1979–1989 гг. стала ещё одной возможностью для США применить свои технологии, однако американские агенты не принимали масштабного участия в военных действиях, а исподтишка спонсировали моджахедов, давая им оружие и натравливая на советских военных, распространяя вымышленные слухи об их преступлениях против афганских детей. Советская пропаганда в Афганистане была намного «гуманнее» и предполагала распространение политических анекдотов об оппозиционных лидерах. Основная же тактика советских войск сводилась

к материальной поддержке афганцев для предотвращения диверсий и для их расположения. Оказывалась медицинская помощь, практиковалась бесплатная раздача керосина [6, с. 301–304].

Во время войны в Персидском заливе в 1991 г. в Эр-Рияде коалицией многонациональных сил была создана специальная рабочая группа, которая отвечала за проведение «психологических операций». Особенно эффективными методами ведения войны стали листовки и радиовещание. По итогам войны признано, что иракская армия была почти полностью деморализована, даже не принимая участия в боях [3, с. 35–41].

Информационная война в XX веке часто сопровождала реальные военные конфликты, являясь их составной частью. В XXI веке уже можно говорить об «информационном противостоянии», являющемся частью политического противостояния как в мирное время, так и на фоне войны.

Анализируя изложенное, отметим, что в соответствии с историческими данными, первое упоминание об информационной войне относится еще к V в. до н. э. Со временем, происходила трансформация информационных войн, но главной их целью войны оставалось показать преимущество армии, государства благодаря пропаганде. Следует отметить, что в XX веке информационные войны стали частью военной политики государств. История показывает, что основными средствами ведения этих войн были листовки, открытки, газеты; в качестве технических средств русской армией — громкоговорители, т. е. всем знакомые СМИ в современном мире. Развиваться информационные войны начинали еще в древности, затем стали востребованы и необходимы во время проведения военных действий, так теория информационной войны стала разрабатываться уже во время и после Первой мировой войны. Во время Второй мировой войны уже функционировали органы государственной пропаганды. В данный момент, из-за сложившейся ситуации на мировой арене, меняются методы и средства ведения информационной войны и с каждым годом они выходят на более высокий уровень.

Список литературы:

1. Волковский Н. Л. История информационных войн: т. 1 (с древнейших времён по XIX век)/под ред. И. Петрова. – СПб.: Полигон, 2003. – 502 с.
2. Волковский Н. Л. История информационных войн: т. 2 (XX век)/Под ред. И. Петрова. – СПб.: Полигон, 2003. – 736 с.
3. Галин Л., Соколов А., Новичков Н. ВВС США в войне в Персидском заливе//Зарубежное военное обозрение – 1992. – № 9. – С. 35–41.
4. Гордиенко А. Н. Войны второй половины XX века. – Мн.: Литература, 1998. – 544 с.
5. Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне//Итоги второй мировой войны. Сборник статей/пер. с нем. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – С. 516–545.
6. Колесов Э. Е. Информационная война в военных конфликтах второй половины 20 столетия: исторический аспект. – К.: Национальная академия обороны Украины, 2007.
7. Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве/перевод и исследование Н. И. Конрада. – М.-Л.: Изд-во АН, 1950.
8. Фролов Д. Б. Информационная война: эволюция форм, средств и методов//Социология власти. – М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2005. – № 5. – С. 137–138.

Section 2. Political regionalism. Ethnic policies

*Alekseev Vladimir Mihaylovich,
the rector of the Autonomous non-profit organization
of additional professional education
«Academy podgotovki glavnyh specialistov», Krasnodar
E-mail: adm@rosakademia.ru*

Rebranding of the Russian Federation in the European Federation

Abstract: It is shown that the administration of Russia is not losing the information war «to the West», but rather mimics its management. It would be naive to call the actions of senior officials of the military, because they are not only trying to develop an independent strategy of information warfare, and implicitly should be foreign to the concept of marginalization of Russia. The proposed three levels of action for the radical improvement in the geopolitical situation of the country: simple, which does not require changes of the Basic Law; complex, without changing its chapters 1 and 2; very complex, requiring the adoption of a new Constitution. Formulated ideas aimed at a radical change in how the sense of place in the modern world, and its real position in international relations: to transform Russia from a country of the Scarecrow in mainland the centre of attraction.

Key words: information war, the rebranding of Russia, the change of the Constitution, the culturalological concept, the geopolitical situation, word game.

*Алексеев Владимир Михайлович,
ректор Автономной некоммерческой организации
дополнительного профессионального образования
«Академия подготовки главных специалистов», г. Краснодар.
E-mail: adm@rosakademia.ru*

Ребрендинг Российской Федерации в Европейскую Федерацию

Аннотация: Показано, что администрация России не проигрывает информационную войну «западу», а скорее имитирует её ведение. Наивно называть действия высших должностных лиц военными, поскольку они не только не пытаются разработать независимую стратегию информационной войны, а беспрекословно следует иностранной концепции маргинализации России. Предложены три уровня действий по радикальному улучшению геополитического положения страны: простые, которые не требуют изменения Основного Закона; сложные, не требующие изменения его 1 и 2 главы; очень сложные, требующие принятия новой Конституции. Сформулированные идеи направлены на значительное изменение как восприятия места России в современном мире, так и её реального положения в международных отношениях: превратить Россию из страны-пугала в материковый центр притяжения.

Ключевые слова: информационная война, ребрендинг России, изменение Конституции, культурологическая концепция, геополитическое положение, игра слов.

На протяжении многих десятилетий Россия — антигерой иностранных СМИ. Выражение «Россия ведёт информационную войну против «запада»» — оксюморон (острая глупость), поскольку следует, что в России пропагандируется её маргинальность и единство «запада». Для сравнения, во второй мировой войне:

— гитлеровская Германия напала на СССР не в одиночку, а в альянсе с десятком стран,

— администрация СССР на время второй мировой войны запрещала своим гражданам именовать Германию и её союзников «европой» с тем, чтобы даже мысленно не допускать единства их с Францией и Великобританией, и «западом» с тем, чтобы не путать их с США и Великобританией, всех последних которых она стремилась привлечь на свою сторону. Нарушителей расстреливали за пособничество врагу.

В случае войны должны быть две воюющие стороны, каждая из которых имеет независимый друг от друга штаб, который не только формирует независимую стратегию и независимую тактику войны, но и изо всех сил старается сломать планы противника. Наивно называть действия российской администрации военными, поскольку та не только не пытается сформулировать независимую стратегию, а уже много-много лет покорно следует сценарию информационной войны против России, концепция которой придумана зарубежными авторами [1].

В информационной пропаганде используются несколько приёмов игры слов, в том числе такие:

1) приписывание своей стране достижений полусотни стран, а то и всего человечества, с умалчиванием вклада противника,

2) именование себя по имени гораздо более крупного географического объекта — причём именем собственным, а не производным словом (прилагательным и т. п.).

И что мы наблюдаем? Российские высшие должностные лица каждодневно говорят о США или Великобритании, как о «западе» (западной цивилизации, которой приписаны почти все достижения человечества в сфере науки, техники, демократии и т. п.). Именуют США «америкой», Германию — «европой» и т. п. При этом они никогда не называли Россию «евразией», хотя это, по аналогии игры слов «США = Аме-

рика», «Европейский Союз = Европа», позволяет её членство в ЕврАзЭС. Они никогда не называли Россию «европой», хотя это позволяет Общероссийский классификатор стран мира, утверждённый постановлением Госстандарта России от 14.12.2001 № 529-ст, согласно которому Россия, как и Германия, и прочие «европы», расположена в Европе. Они никогда не называли Россию «европой», хотя это позволяет ещё пара международных соглашений, в которых участвует Россия, в названии которых присутствует слово «европа» [2]. Наоборот, российские высшие должностные лица ежедневно высказываются о России как о маргинальной стране, находящейся как вне «европы», так и «азии» и т. п.

Забавный факт: имя собственное «евразия» вообще почти не упоминается в российских нормативно-правовых актах, то есть их авторы не привязывают слово «евразийский» к реальному географическому объекту. Простая аналогия: есть молоко и молочные продукты. Молочный продукт может быть получен как путём разбавления молока водой, так и наоборот: добавлением в воду нескольких капель молока.

О необходимости проведения ребрендинга России неоднократно высказывались зарубежные специалисты, в том числе президент Ассоциации аккредитованных лоббистов при Европейском парламенте К. Де Фулуа [3].

Можно предложить три уровня мероприятий по существенному улучшению пресловутого геополитического положения России:

1) простые — не требуют изменения Конституции России,

2) сложные — не требуют изменения 1 и 2 главы Конституции России,

3) очень сложные — могут потребовать все-российского референдума.

Рассмотрим их подробнее.

I. Простые шаги ребрендинга России.

Для простых шагов достаточно указов Президента и актов Правительства.

1. Первоочередный шаг — прекращение бюджетного финансирования и научной аккредитации культурологической концепции. Необходимо немедленно распространить принципы контрактной системы, внедрённой одноимённым

законом 44-ФЗ в России с 1 января 2014 года [4], на общественные науки — основной источник культурологической концепции. Распорядители бюджетных средств обязаны в технических заданиях к финансируемым из бюджета образовательным и научным программам предъявлять требования, исключающие всякие проявления культурологической концепции.

1.1. Рекомендовать получателям бюджетных средств именовать США и Канаду североамериканскими, восточными странами; Японию — южной страной, причислить её к странам Океании; страны «азии» — южными, южно-европейскими; причислить островные страны «европы» к Океании (соответственно, внести изменения в ОКСМ); и т. п.

2. Реализация принципа справедливости в образовании [5]. Обязательное регулярное (не реже 1 раза в год) повышение квалификации высших должностных лиц по точным наукам, формирующим первичную картину мира, прежде всего по физической географии, геологии и т. п. [6]

3. Регулировать концентрацию правительственных учреждений, научных центров и СМИ. Установить квотирование расположения правительственных учреждений, научных центров и СМИ. Добиться того, чтобы они располагались в России равномерно по всей её территории. Прежде всего — исключить концентрацию правительственных учреждений, научных центров и СМИ в Москве и Московской области, следствием чего является крайне искажённая картина мира и положения на ней России.

4. Переименование объекта — один из самых успешных приёмов борьбы с вирусами.

4.1. Официально заменить международного обозначения России «Russia» на «Rossia». Написание «Russia» — архаизм в угоду культурологической концепции. Настойчивая рекомендация иностранным гражданам использовать написание «Rossia».

4.2. Переименование Дальневосточного федерального округа, как вариант, в Ближнезападный федеральный округ. Забавный факт: Чукотский автономный округ, входящий в него, будучи самой восточной частью России, в то же самое время — самая западная материковая суша в мире.

5. Позиционирование России как «западной» страны.

5.1. Переименование союзов и соглашений, в которых состоит Россия, с использованием в названиях слов «запад» (например, «Западный союз»), «европа» (например, «Европейское экономическое братство») и т. п.

6. Многократное ужесточение административной ответственности и введение уголовной ответственности за нарушение законодательства о наименованиях географических объектов. Приравнять культурологическую концепцию к экстремистским учениям [6].

6.1. Запретить получателям бюджетных средств именовать страны, кроме России, и союзы стран без лидирующего участия России сокращённо по имени материка (континента).

II. Сложные шаги ребрендинга России.

Сложные шаги ребрендинга России потребуют изменения 3–8 глав Конституции, положения которых могут быть пересмотрены Федеральным Собранием.

1. Перенос объекта — один из самых успешных приёмов борьбы с вирусами. Перенести столицу России из Москвы в областной центр малонаселённого депрессивного района, как вариант, в Великий Новгород — город, имевший 500-летние связи с немецкими и скандинавскими городами ещё до образования России.

III. Очень сложные шаги ребрендинга России.

Очень сложные шаги могут потребовать всенародного голосования и принятия нового текста Конституции России.

1. Вместо второго имени России, закреплённого в ч. 2 ст. 1 Конституции России, целесообразно использовать словосочетание «Европейская Федерация». Это позволит легализовать игру слов «Россия — это Европа», как в своё время сделали в США («США — это Америка»).

Забавный факт: в 2012 году Европейская комиссия выступила с инициативой преобразовать Евросоюз в Европейскую Федерацию.

Предложенные мероприятия позволяют существенно изменить как восприятие иностранцами России в современном мире, так и её реальное положение в международных отношениях: превратить Россию из страны-пугала в материковый центр притяжения.

Список литературы:

1. Алексеев В. М. Постановка задачи ребрендинга России. Пора прекратить информационный мазохизм//Проблемы современной науки и образования. 2016. № 20 (62). С. 111–114.
2. Алексеев В. М. Преодоление в географии культурологических фикций деления мира на «восток» и «запад»//Современные научные исследования и инновации. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/08/57034> (дата обращения: 07.08.2016).
3. Де Фулуа К. Ребрендинг России: ключ к обновленному диалогу с ЕС//New Europe, Бельгия, 2009.
4. Алексеева М. С., Халяпин А. А. Контрактная система в сфере закупок как управленческо-правовая дисциплина//Современные научные исследования и инновации. 2016. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/07/70057> (дата обращения: 14.08.2016).
5. Алексеева М. С. Реализация принципа справедливости в образовании//Проблемы современной науки и образования. 2016. № 20 (62). С. 82–84.
6. Алексеев В. М. Проблемы квалификации нарушений средствами массовой информации законодательства о наименованиях географических объектов//Журнал Алексеевской академии наук. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://aleksejev.ru/nauka/jurisprudence/administrative-law/00008.php>.

Section 3. Political problems of the international relations, global and regional development

*Kan Den Sick,
Kiev National Linguistic University,
Associate Professor of Oriental Studies Department,
Doctor of Political Sciences,
E-mail: kme112000@yahoo.com*

Relations changes between China and North Korea

Abstract: This article describes the application of the UN sanctions against North Korea, a sharp deterioration in relations and the cessation of Chinese aid to North Korea. Also, are given the prognostic scenarios of further developments in North Korea.

Keywords: blood and fraternal relationships, UN sanctions, nuclear missile threat, nuclear state, unfriendly country.

*Кан Ден Сик,
Киевский национальный лингвистический университет,
доцент кафедры Восточной филологии,
кандидат политических наук
E-mail: kme112000@yahoo.com*

Перемены в отношениях Китая и Северной Кореи

Аннотация: В данной статье описывается применение санкций ООН к Северной Корее, резкое ухудшение отношений и прекращение помощи Китая Северной Корее. Также даны прогностические сценарии дальнейших событий в КНДР.

Ключевые слова: кровно-братские отношения, санкции ООН, ракетно-ядерная угроза, ядерная держава, недружественная страна.

В 21 веке Корейский полуостров по-прежнему формально находится в состоянии войны, а Южная Корея постоянно испытывает угрозу ракетно-ядерной атаки со стороны Северной Кореи. Но, несмотря на продолжающуюся эскалацию и сохранение напряженного состояния, все же шансы на объединение значительно возросли. И причиной послужило изменение стратегии Китая в первую очередь по отношению к Северной Корее.

В этом году истекает срок полномочий президента РК Пак Гын Хе и уже можно сделать вывод, что политика доверия потерпела крах, так как обстановка вокруг Корейского полуострова ещё

больше накалилась в связи с новыми испытаниями ракетно-ядерного оружия Северной Кореи. Таким образом, главная проблема корейцев так и осталась нерешенной и мало того не продвинулась ни на шаг. Ожидания и надежды Южной Кореи на форсирование объединения через ускорение коллапса и смены режима в КНДР не оправдались.

По мнению многих специалистов и политиков, в том числе и южнокорейских, объединение Кореи во многом зависит от политики Китая. Как известно, Китай граничит с Северной Кореей протяженностью более 1 300 км, в основном по руслу

реки Амнокан и Туманган. Кроме того в китайских провинциях Дирон и Ляонин проживают около 2 миллионов этнических корейцев, поэтому Китайско-Северокорейские отношения всегда были особенными. Понятно почему в послевоенный период (после 1945 г.) Китай активно оказывал помощь Северной Корее, но почему и сейчас оказывает помощь? Отчасти это объясняется тем, что Северная Корея служила своеобразным «буфером», поэтому касалась непосредственно вопроса сохранения безопасности региона. Большую роль сыграл и военный союз, заключенный между Китаем и Северной Кореей в период правления Мао Цзе Дуна и Ким Ир Сена (1961 г.) и участие около 250 тысяч китайских добровольцев в Корейской войне (1950-53 гг.). Кроме того обе страны входили в состав социалистического лагеря, возглавляемого СССР. Все эти факторы наложили свои отпечатки в Китайско-Северокорейских отношениях.

В период экономических кризисов Северной Кореи Китай неоднократно оказывал помощь в виде топлива, продуктов питания, химических удобрений. И лишь после восхождения Си Дзинь Пина в ноябре 2012 г. начались перемены в отношениях между двумя странами. Как известно в Северной Корее тоже произошли перемены – на трон взошел молодой Ким Чен Ун (1983 г. рождения). Таким образом Северная Корея и Китай с эры Ху Дзинь Тао – Ким Чен Ира перешли на эру Си Дзинь Пин – Ким Чен Уна. Надо сказать, что отношения стали более чем прохладные, поскольку из кровнобратских отношения перешли на официальные межгосударственные отношения [1, 43]. Этому предшествовал ряд факторов: запуск межконтинентальных ракет, очередные испытания ядерного оружия, несмотря на то, что Китай не одобрял подобные действия КНДР. К тому же казнь прокитайского политика Тянь Сен Тхека ещё больше усугубила двухсторонние отношения.

Причиной казни Тянь Сен Тхека по мнению многих аналитиков послужило сильнейшее давление со стороны военной верхушки (ястребов) на Ким Чен Уна и у него не было достаточно сил противостоять их напору. И у Ким Чен Уну ничего другого не оставалось, как найти способ привлечь военную верхушку на свою сторону. Ещё в июне 2012 г. Ким Чен Ун дал команду разработать

и внедрить рыночную экономику, но уже в октябре того же года под давлением военных поменял тактику и начал уже преследовать разработчиков и сторонников рыночной экономики, инициатором которой был Тянь Сен Тхек. Тянь Сен Тхек понимал, что чтобы противостоять давлению со стороны военных, нужно использовать только китайскую карту и поэтому может спасти только тесное сотрудничество с Китаем. Однако после проведения третьего ядерного испытания в феврале 2013 г. ООН 7 марта объявила о применении санкций к Северной Корее. Китай, выполняя санкции ООН, уже 7 мая дал указания четырем крупнейшим банкам Китая заморозить счета Северной Кореи. И когда Северная Корея попала в тяжелое экономическое положение, Ким Чен Ун дал указания Тянь Сен Тхеку срочно отозвать все финансы с китайских банков, на что Тянь Сен Тхек ответил, что в настоящее время это невозможно выполнить, так как все вклады положены на определенный срок под определенные проценты и их разорвать нельзя. После казни Тянь Сен Тхека – человека номер два, Ким Чен Ун стал единоличным диктатором.

Вслед за этим при согласии Китая ООН 22 января 2016 объявил о применении новых санкций под номером 2087. Это уже была четвертая по счету санкция после июля 2006 г. Однако Северная Корея, игнорируя мнение мирового сообщества, провела 4-ое ядерное испытание и очередной запуск межконтинентальной ракеты. Китай тут же принял решение о прекращении безвозмездной помощи КНДР. Одним из главных партнеров по торговле с Северной Кореей является Китай. Так в 2012 г. товарооборот между Китаем и Северной Кореей составил 5 млрд. 900млн долларов США. Вслед за этим Китай приостановил инвестиции в свободные экономические зоны (СЭЗ), такие как Дандун, Расон и заморозил строительство моста через реку Амнокан. В одном из интервью Си Дзинь Пинь четко ответил, что действие Ким Чен Уна – это «шалость ребенка» и для нас главным является безопасность США, а не безопасность режима Северной Кореи. Вслед за санкциями ООН представитель Китая в ООН Ли Бао Дун заявил, что Китай всецело поддерживает решение ООН и будет на 100% выполнять данные решения. На

что МИД КНДР тут же среагировала: «мы протестуем по поводу санкции продуманной США и полностью игнорируем данное решение».

Уровень угрозы всему миру, в том числе и США, игнорирование международного сообщества, игнорирование мнения союзника – Китая, угроза и провокации по отношению к Южной Корее и Японии. Ким Чен Ун четко объявил, что Северная Корея по-прежнему будет работать над усовершенствованием и увеличением ракетно-ядерного вооружения и будет противостоять США. Другими словами, политика бряцания оружием и угроза – такого даже при Ким Чен Ире не было. Многие политики считают, что Ким Ир Сен создал политическую систему государства, Ким Чен Ир создал мощную армию, а на долю Ким Чен Уна выпала честь поднять экономику страны. С 2011 года КНДР приняла стратегию экономического развития, но пока что не видно успеха, да и не может быть иначе, поскольку инвестиций из вне нет, а в самой КНДР нет никаких средств для проведения экономических реформ. К тому же необходимо учесть, что огромная доля бюджета по-прежнему уходит на усиление и поддержание вооруженных сил.

Итак, очевидно, что Китай поменял свое отношение к КНДР. В чем же суть изменения стратегии Китая по отношению к КНДР? Си Дзинь Пинь мечтает о создании новых партнерских взаимоотношений с США, чтобы совместно контролировать все побережье Тихого океана по обе стороны. Так же Обама, который считает Азиатский регион самым крупным рынком, проводит политику не враждебную по отношению к Китаю. Так на саммите 7, 8 июля 2015 г., Обама и Си Дзинь Пинь в течении 8 часов имели беседу, обменявшись мнениями в том числе и по поводу Северной Кореи.

Отношения между Китаем и КНДР окончательно стали холодными в декабре 2013 г. после казни прокитайского политика Тянь Сянь Тхэка, который был «мостом», соединяющим Китай и Северную Корею. Си Дзинь Пинь в 2014 г. дал указания применить экономические санкции по отношению Северной Кореи. Это означает прекращение помощи в обеспечении 500 тыс. тонн нефтепродуктов, 100 тыс. тонн продуктов питания и химических удобрений на сумму 20 млн. долларов

США. Это был большой удар по экономике Северной Кореи, к тому же надо учесть, что около 80% товарооборота КНДР приходит на Китай. К тому же Китай приостановил инвестиции на совместные проекты, такие как строительство моста через реку Амнокан, СЭЗ Расон, Сынидзю.

Естественно Северная Корея попала в тяжелое экономическое положение, и Ким Чен Ун попросил экономической помощи у Японии. В Северной Корее начался энергетический и продовольственный кризис. Так огромный город Пхеньян погрузился во мрак, квартиры почти не отапливались, и, решая проблему продовольственного кризиса, Ким Чен Ун дал команду открыть склад стратегического запаса продовольствия, и израсходовали около 1 млн. тонн продовольствия, в том числе 300 тыс. тонн обычного военного запаса, 700 тыс. тонн запаса, который держали на случай войны. Конечно же, Ким Чен Ун дал указания до 2015 г. восполнить запас, но практически это не было выполнено. В 2014 г. Северной Корее пришлось в огромном количестве закупить химические удобрения в Китае, только в январе 2014 г. закупили свыше 35 тыс. тонн, что на 75% больше чем за аналогичный период прошлых лет. Таким образом, две специальные экономические зоны, на которые были возложены огромные надежды, лопнули как мыльные пузыри.

Наконец в 2014 г. Ким Чен Ун понял, что политика Си Дзинь Пина коренным образом отличается от политики Ху Дзинь Тао и бросил девиз «освободится от китайской зависимости». Ким Чен Ун бросил вызов всему миру и демонстративно продолжает проводить испытания ракетно-ядерного оружия.

В сложившейся ситуации Северная Корея бросила взор на Японию и Россию, но Россия сама из-за санкций международных сообществ находится в тяжелом положении, поэтому остается только Япония [2, 23-24]. 25-26 января 2014 г. Северная Корея имела секретную встречу с Японией в столице Вьетнама – Ханое. Кроме того с 26 по 28 мая 2014 г. по просьбе Северной Кореи состоялась встреча КНДР с Японской делегацией в Швеции. После встречи премьер-министр Японии Абэ 29 мая провел срочную пресс-конференцию, где заявил, что Северная Корея выразила готовность решить все вопросы, касающиеся похищенных

японцев. Япония в зависимости от выполнения обещаний со стороны Северной Кореи постепенно ослабит экономические санкции. То есть можно сказать, что лед тронул. Затем 1 июля 2015 г. в Пекине состоялась третья встреча, в результате которой Япония 4 июля сняла часть санкций, а Северная Корея создала специальную комиссию по пересмотру дел японцев во главе с зам. министром Со Де Ха. Надо подчеркнуть, что жесткой политике Китая удивились не только Ким Чен Ун, но и президент РК Пак Гын Хе, которая только лишь после телефонного разговора с Си Дзинь Пинем узнав, что Китай не собирается напасть на Север, успокоилась. После многократных встреч представителей Китая и Северной Кореи на различных уровнях стало ясно, что Ким Чен Ун не откажется от ракетно-ядерного оружия, а Си Дзинь Пинь никогда не будет признавать Северную Корею ядерной державой. Естественно дальнейшие столкновения между КНДР и Китаем неизбежны. Си Дзинь Пинь 3-4 июля 2014 г. официально посетил Южную Корею, а не союзника – Северную. Этот факт говорит о многом. Китай неоднократно намекал, что не против того, чтобы объединение Кореи произошло под эгидой Южной Кореи, но только РК должна сделать все, чтобы американские войска не стояли у границ Китая [3].

Итак, каковы же прогностические сценарии после казни Тянь Сен Тхека?

1. В ближайшем будущем диктаторский режим Ким Чен Уна попадет в труднейшее положение и даже не исключен сценарий падения режима.

2. Ким Чен Ун стал марионеткой у военной верхушки, а это означает, что будет наращивать ракетно-ядерную мощь и продолжать провокационными действиями против Южной Кореи нагнетать обстановку в США.

3. Поскольку девиз Ким Чен Уна «дальнейшее наращивание ракетно-ядерного оружия и экономическое развитие», а ответственный за

экономическую реформу – глава администрации Трудовой Партии Кореи Тянь Сен Тхек казнен, его функции будет исполнять кабинет министров и лично сам Ким Чен Ун.

4. Однако если КНДР будет продолжать ракетно-ядерные испытания, то окружающие страны ещё больше отвернутся от Северной Кореи и поэтому её экономика попадет ещё в более трудное положение, что в свою очередь приведет к столкновению Ким Чен Уна с армейской верхушкой. И тогда по мере возрастания конфликтов Ким Чен Уна может постичь участь Тянь Сен Тхека. Иначе говоря, не исключен вариант покушения на него. Ким Чен Ун уже сегодня боится покушения, поэтому при нем всегда пистолет и около 100 личных охранников. Маршрут его следования разрабатывается за месяц и точное время не оглашается. Во время его посещения в данном районе не должны находиться больные гепатитом и туберкулезом. Несмотря на такие меры, после 2012 г. в течении 2х лет были совершены как минимум 2 покушения на Ким Чен Уна: в июле 2012 г. и в феврале 2013 г.

Давайте теперь рассмотрим, какие меры и стратегию выберет Китай относительно Северной Кореи. Политический курс, который принял Китай после 2014 г. означает, что если Северная Корея проведет четвертое ядерное испытание, то это будет считаться её отказом от возвращения к шестисторонним переговорам и тогда Китай коренным образом пересмотрит свое отношение. Несмотря на такие предупреждения, как известно КНДР провела четвертое ядерное испытание. В ответ на это Си Дзинь Пинь заявил, что Северная Корея из дружественной страны превратилась во враждебную с особым отношением. А это означает, что сначала из кровнобратских отношений перешли на особые отношения, затем – на разряд обычных соседских отношений, теперь, очевидно, перейдет в разряд недружественных стран.

Список литературы:

1. Kondo Daisuke, Lee Yong Bin, No Gyeong A. Shukinpei Wa Kanarazu Kimujyonun Wo Korosu. – Seoul: The Korea Economic Daily (한국 경제 신문), 2015. P. 43.
2. Thonil Shide (통일 시대) Vol. 97, – Seoul, 2014. P.23–24.
3. Tongwiwon, Janggipeo, Hanbandoe Tongilkwa Junguk (통위원, 장기표, 한반도의 통일과 중국), – Seoul: 2013. P.35–36.

Section 4. Comparative politics

Christian W Haerpfer,

Prof. Dr. of Political Science

Department of Political Science University of Vienna

President of the World Values Survey Association

E-mail: christian_haerpfer@univie.ac.at

Kseniya Kizilova

Institute for Comparative Survey Research Vienna, Austria

Secretary of the World Values Survey Association

E-mail: ksenniya.kizilova@gmail.com

Patterns of conventional and unconventional political participation in global comparison

Abstract: the article provides comparative overview of features of conventional and unconventional political participation in 7 world regions basing on the findings from the 6th wave of the World Values Survey, the world's largest academic program in social and political sciences. Indices of conventional and unconventional political participation are used to describe the patterns of political participation inherent to different world regions.

Keywords: conventional participation, unconventional participation, cross-regional comparison.

Political participation is an essential element of political culture of the population and an important indicator and predictor of the democratic political system development. There is a big piece of literature available devoted to the definition of the concept as well as the main trends of dynamics of citizen's political participation in the last 70 years [1, 2]. In one of its broadest definitions, political participation is considered as an aggregated category for all those actions of private citizens by which they seek to influence — support or challenge — government and politics. This influence can be realized either directly by affecting the decision-making process or the course implementation of public policy, or indirectly — by participating in the nomination of the group of people who will make those decisions and policies [3]. The range of concrete actions which can be defined as political participation varies from voting in national elections to organizing a demonstration, from writing a letter to a governmental official to establishing an online protest-community. Some forms of political partici-

pation, like voting, are among most traditional and have existed since many centuries while those which presume using the resources of Internet and social media are relatively new and evolving.

Development of comparative surveys in political science in the recent three decades has contributed to the establishment of an extensive empirical database in this field including such large-scale research programs as Eurobarometer, European Social Survey, International Social Survey Program, World Values Survey, European Values Study, Comparative National Elections Project as well as the group of regional barometers — Afro Barometer, Arab Barometer, Asian Barometer, Eurasia Barometer, and Latinobarometro.

The current paper is aimed at analysing available empirical evidence in order to compare the patterns of political participation worldwide. The main research question is if we can speak of one specific trend of political participation which is the same in all world regions or if we have to speak of regional

patterns of political participation. The empirical data-base used for the analysis is represented by the 6th wave of the *World Values Survey* completed under the leadership of the authors in 2011–2014 in 60 countries of the world. National representative samples with the minimal sample size of N=841 and the maximal sample size of N=4078 have been interviewed in every society using face-to-face interview as the main survey method. For the analysis of patterns of political participation in cross-regional perspective, all surveyed countries and societies have been grouped into 7 world regions: Sub-Saharan Africa; Asia; Oceania (Australia, New Zealand); Central and Western Europe; post-Soviet Eurasia; Latin America; Middle East and North Africa; North America (USA).

Following the established in the literature tradition, in our analysis we will be differentiating between the conventional and unconventional political participation. Conventional political participation comprises commonly accepted political behaviour that uses established institutional channels of representative government and includes voting in elections and referendums, volunteering for a political campaign or making a campaign donation, joining an activist group, serving in the public office etc. WVS-6 questionnaire includes the following indicators allowing to measure conventional political participation of citizens: *voting in national elections*; *voting in local elections*. For both questions, the respondents have been asked to indicate if they vote always, usually or never.

Unconventional political participation is a relatively uncommon behaviour that challenges or disregards the government channels and the traditional culture. Unconventional political participation includes signing a petition, supporting a boycott, organizing a strike, participating in a demonstration or protest. It is important to stress that unconventional participation is not necessarily an illegal action, such as political assassination or terrorism. WVS-6 questionnaire uses the following items to measure unconventional political participation: *signing a petition*, *joining the boycotts*, *attending demonstrations*, *joining in strikes*. For all types of actions, the respondents have been asked to indicate if they have done this, might do or would never do.

Obtained results have shown that conventional political participation, despite the documented downward trend, remains the prevailing type of political engagement worldwide. In particular, *voting in national elections* is the type of political action which is practiced by most of citizens in all world regions. On average, 58% of respondents in 60 world countries have stated that they always vote in national elections; 24% indicated that they vote usually while 18% said they never vote. The highest this indicator is in Australia and New Zealand where 89% of respondents stated that they always vote. The second most carefully voting part of the world where 78% of interviewed citizens indicated that they always attend the elections and always vote is Latin America. While in Australia and New Zealand high turnout and percentage of citizens voting could be explained by the existing legislative base (which makes voting a compulsory procedure), in Latin America high level of conventional political engagement is a part of the political cultural tradition. The share of “persistent voters” in national elections in Central and Western Europe is around 70%, in North America — around 59% while in post-Soviet Eurasia, Africa and Asia only between 52% and 55%. The least frequently voting part of the world is Middle East where only 46% of respondents stated that they always vote and where voting remains a comparatively innovative practice. At the same time, the part of respondents who said that they never vote in national elections is the highest in MENA (28%) and Africa (24%) and the lowest — in Australia and New Zealand (3%). Around 10% of citizens never vote in national elections in Latin America, Central and Western Europe; nearly 15% do not vote in national elections in former USSR countries; around 17% do not participate in national elections in Africa and a bit over 20% — in the United States.

Voting in *local elections* is a less important political exercise for citizens and therefore, the parts of those respondents who always vote in local elections are lower in all parts of the world: 74% in Australia and New Zealand, 74% in Latin America, 66% in Central and Western Europe, 54% in Asia, 53% in post-Soviet countries, 49% in Africa, 43% in MENA and only 38% in United States. At the same time, parts of respondents in every region who stated that

they never vote in local elections constitute 8% in Australia and New Zealand, 11% in Europe and 12% in Latin America, 15% in former USSR republics, 19% in Asia and 20% in Sub-Saharan Africa, 24% in the US and 30% in the Middle East. The rest of the respondents indicated that they “usually” participate in local elections.

Despite the numerous theories revealing shifts in types of political participation — decrease in conventional and increase in unconventional participation — in the second half of the twentieth century, WVS-6 findings show that traditional voting in national and local elections still remains the most widespread type of political action. Characterizing their involvement into unconventional political activities, most of respondents stated that they have never done it and would never do. The most widespread among the unconventional political actions is *signing a petition*: at least once in their lives have signed a petition 76% of respondents in Australia and New Zealand, 61% in the United States. In the rest of the world this indicator is at least twice lower: 34% in Central and Western Europe, 23% in Latin America, 18% in Asia. In post-Soviet Eurasia, Africa and Middle East less than 10% of population have ever signed a petition. Correspondingly, between 60 and 70% of respondents in these parts of the world have stated that they would never sign a petition. From the whole of 60 countries in the world, on average 19% of respondents indicated that they have ever signed a petition, 29% more said that they might do it in future and 52% said they would never sign one.

The other forms of unconventional political activity such as *attending peaceful demonstration, joining a strike and joining a boycott* involve even smaller parts of citizens in all parts of the world. In particular, around 13% of the respondents worldwide stated that they had attended a demonstration, 32% said

they might do it and 55% said would never do it. Regions of the world where citizens have the biggest experience of joining demonstrations are Australia and New Zealand, Central and Western Europe, Latin America, Middle East and the USA. Experience of joining a strike is familiar to only 8% of respondents while 26% said they might do it and 66% would never do it. Finally, participation in boycotts has been experienced by only 6% of respondents with 26% more saying they might do it and 68% stating that they would never do it. Boycotts are widespread as a practice of political participation in Australia, New Zealand and the United States.

Indexes of conventional and unconventional political participation (vary from 1 to 5) built using the main components analysis method allow to allocate different world regions on the two-axes map and reveal the following patterns:

- Conventional political engagement (3.76) is higher than unconventional (2.14) in all parts of the world;
- Countries with the highest indicators of unconventional political participation are Australia and New Zealand (3.35) and the United States (3.12) while the lowest engagement in unconventional political activity is observed in the former USSR republics of Eastern Europe and Central Asia (1.61);
- The lowest involvement into conventional political activity is recorded in the Middle East (3.31) and the highest in Australia and New Zealand (4.52) and Latin America (4.29);
- Asia (3.59), Africa (3.65), MENA (3.31) and the USA (3.53) are below the “world” mean (3.76) in their voting rates;
- Latin America (2.28), Central and Western Europe (2.68), Australia and New Zealand (3.35) and the United States (3.12) are above the “world” mean (2.14) in terms of population’s involvement into unconventional political actions.

References:

1. Dalton, J. R., Klingemann, H.-D. (2007) *The Oxford Hand book of Political Behaviour*. Oxford, UK: Oxford University Press.
2. Almond, G., Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
3. Verba, S. Schlozman, K. L., and Brady, H. (1995) *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics* (Cambridge, Mass.: Cambridge University Press).

Science of law

Section 1. Civil procedure

*Krukoves Valeriia Vladimirovna
Taras Shevchenko National University of Kyiv
PhD student, Department of Justice Law faculty
E-mail: krykovessss@gmail.com*

Some issues of consideration statement in the proceedings of setting the fact of living together men and women without marriage

Abstract: The paper deals with particular complex and controversial issues of judicial practice in the proceedings of setting the fact of living together men and women without marriage on the stage of open proceedings. Special attention the author gives grounds for leaving the statement without movement and refusal to open proceedings and the consequences of such action judge. The author focuses on such categories as “dispute of right” and its ability to identify the stage of the proceedings.

Key words: statement, special proceeding, dispute of right, leaving the statement without movement, to open proceeding.

*Круковес Валерия Владимировна
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко
аспирантка кафедры правосудия
юридический факультет
E-mail: krykovessss@gmail.com*

Отдельные вопросы рассмотрения заявлений об установлении факта проживания одной семьей мужчины и женщины без брака

Аннотация: В статье анализируются отдельные сложные и спорные вопросы судебной практики по рассмотрению заявлений об установлении факта проживания одной семьей мужчины и женщины без брака на стадии открытия производства по делу. Акцентируется внимание на вопросах, вызывающих отказ в открытии производства по делу и последствия такого процессуального действия. Особое внимание уделяется такой процессуальной категории как «спор о праве» и возможности выявления его на стадии открытия производства по делу.

Ключевые слова: заявление, особое производство, спор о праве, оставление заявления без движения, открытие производства по делу.

Достаточно часто на стадии открытия производства по делу, а именно при рассмотрении заявления об установлении факта, имеющего юридическое значение, происходит злоупотребление судьями положением ч. 4 ст. 256 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее — ГПК) в виде отказа в открытии производства по делу

на основании наличия «спора о праве». По нашему мнению, с самого содержания заявления, не рассмотрев дело по сути или хотя бы не рассмотрев дело на стадии предварительного судебного заседания невозможно предвидеть спор о праве, ведь цель установления такого факта в заявлении не обязательно означает наличие спора о праве.

По нашему мнению такой отказ является нарушением ст. 1 ГПК в контексте своевременного рассмотрения дела, ведь вместо того, чтобы рассмотреть дело в кратчайшие сроки в порядке особого производства необходимо будет снова обращаться в суд, однако уже в порядке длительного искового производства. В связи с этим актуальным представляется исследование термина «спор о праве», которое законодателем в самом ГПК не раскрыто, что приводит к неоднозначности в науке и практике.

Вопросам рассмотрения заявлений данной категории дел не было уделено должного внимания, достаточно много ученых поддерживают данную норму статьи и не видят проблему в ней. По поводу исследования категории «спор о праве» в контексте особого производства занимались такие ученые как: М. М. Ясынок, И. Б. Морейн, А. О. Григорьева, М. М. Кабакова, Е. Ф. Елисейкин, Г. К. Крючков, Л. И. Поволоцкий, М. М. Дякович и др.

Категория «спор о праве» в контексте особого производства до сих пор не имеет однозначного определения, однако имеет большое значение для надлежащей защиты прав. Часто, в заявлениях об установлении факта проживания одной семьей мужчины и женщины без брака отмечают «для получения наследства», «для признания права общей совместной собственности», «для личных нужд» и т. п., и это автоматически приводит к отказу в открытии производства по делу. Мы считаем, что на стадии рассмотрения заявления об установлении факта проживания одной семьей мужчины и женщины без брака нельзя предвидеть спор о праве, для этого необходимо тщательно исследовать обстоятельства дела. Так, возможна ситуация, когда в заявлении указывается «для получения наследства» и это вовсе не означает автоматическое наличие спора о праве. Так, у наследодателя возможно не осталось никого кроме женщины, которая проживала с ним не один десяток лет, и установления данного факта необходимо заявителю для открытия наследства в порядке четвертой очереди по закону. Поэтому актуальным является изучение и разработка путей решения данного вопроса во избежание в дальнейшем развитии неправильной судебной практики, а также обеспечения надлежащих условий для защиты прав заявителей.

Целью статьи является проанализировать судебную практику на предмет правильности рассмотрения заявлений об установлении факта проживания одной семьей мужчины и женщины без брака, а также исследовать категорию «спор о праве» для недопущения в дальнейшем развития неправильной судебной практики.

Прежде всего, необходимо отметить, что практика рассмотрения заявлений по этому вопросу достаточно неоднозначна. Так, в каждом отдельном случае имеет место как принятие заявления и открытие производства по делу, так и отказ в открытии производства по делу. По нашему мнению, реакция на заявление по поводу установления такого факта не должна иметь вид категорического отказа в открытии производства, ведь с самого заявления достаточно сложно сразу увидеть спор о праве. Если окажется, что стороны не возражают против установления данного факта при рассмотрении данного дела в порядке искового производства — это будет просто затягиванием рассмотрения дела и нарушением ст. 1 ГПК в контексте своевременного рассмотрения дела, которое могло решиться гораздо быстрее в порядке особого производства. К тому же, если бы дело было принято к рассмотрению, то тем самым остановилось бы совершение нотариального действия, и как следствие невозможность спора с другими наследниками. Поэтому, прежде всего, требует детального анализа категория «спор о праве» как основание для отказа в открытии производства.

По поводу данного термина нет единого мнения в науке. В рамках гражданского процессуального права спор о праве является единственной и целостной категорией, которая позволяет отграничить дела искового производства от дел особого производства. Однако судебная практика и законодательство придают этому понятию разный смысл в зависимости от того, в каком контексте оно используется.

Раскрывая содержание этого понятия, прежде всего, его можно определить как «определенное состояние субъективного права», «суть противоречия, конфликт, противоборство сторон»; его так же разделяют на материальный и процессуальный виды [1]. С точки зрения этимоло-

гии понятие «спор» трактуется как «словесное состязание; обсуждение чего-либо двумя или несколькими лицами, в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту» или «взаимные притязания на владение чем-либо, решаемые преимущественно судом» [2]. На сегодня, можно наблюдать ситуацию, когда в результате эволюции правового регулирования смысл этого понятия изменился настолько, что перестал отвечать слову, которое ее обозначает. Так, при исследовании этого понятия следует исходить не из лексического значения слова «спор», а прежде всего из природы правоотношений, что на сегодня в правоприменительной практике обозначаются термином «спор о праве». На сегодня и законодательство, и судебная практика под «спором о праве» понимают «заявленное в суд требование лица, считающего, что его права, свободы или интересы были нарушены, не признаны или оспорены, о защите таких прав, свобод или интересов» [3].

На сегодня данная категория в процессуальной литературе часто рассматривается как достаточно условная или просто отождествляется с иском или спором в бытовом понимании [4]. Следствием этого является и фактическое отсутствие отечественных научных разработок в этой сфере, и противоречивая судебная практика при рассмотрении заявлений об установлении такого факта. А. Рожкова отмечает, что в дореволюционной литературе и судебной практике «спор о праве» сначала предоставлялся субъективный характер, то есть под «спором о праве» понималось субъективное отношение сторон к своим правам и обязанностям. Позже под этим понятием стали понимать объективное состояние права (в правоотношении), когда оно требовало принудительного осуществления или защиты [5]. Именно в советский период «спор о праве» понимали как «спор, обусловленный невыполнением обязанным лицом своих юридических обязанностей, основанный на материальном правоотношении, который рассматривается компетентным органом с целью применения государственного или общественного принуждения» [6].

М. М. Ненашев отмечает, что на сегодняшний день в теории гражданского процесса существует

несколько концепций спора о праве: как правонарушение и препятствия в осуществлении права; как фактический состав, который состоит из трех юридических фактов — нарушения (оспаривания) субъективных прав лица (субъекта защиты) другим конкретным лицом (нарушителем), предъявление субъектом защиты требования к нарушителю об определенном поведении, невыполнение нарушителем требования субъекта защиты; как правоохранительное правоотношения или состояние регулятивного правоотношения, который оно приобретает в результате правонарушения; как процессуальное средство защиты прав [4].

Заслуживает внимания позиция И. А. Жеруолиса о том, что «любой спор о праве всегда рассматривается в определенной процессуальной форме, в которой протекает процессуальная деятельность органа, который решает спор о праве. Пока спор о праве не стал рассматриваться компетентным органом в определенной процессуальной форме, он с точки зрения права не существует» [6, 61]. По мнению М. Ю. Рудаковой, спор о праве возникает не в момент правонарушения, как охранительное правоотношение, а в момент возникновения противоречий, конфликта между сторонами, когда управомоченное лицо предъявляет требование к обязанному лицу, который против них возражает в той или иной форме [7]. При этом, М. А. Рожкова пришла к выводу, что в случае обращения лица, права которого нарушены, в суд без предварительного уведомления нарушителя о существовании соответствующих претензий к нему на стадии обращения в суд, «спор о праве» фактически отсутствует, но на момент судебного разбирательства (при условии надлежащего уведомления нарушителя-ответчика о судебном разбирательстве) он уже реально существует [5, 31].

Для того, что — бы должным образом убедиться в наличии спора о праве необходимо привлечь к участию заинтересованных лиц, а также установить их позицию относительно возможности установления определенного факта. Вывод о существовании спора о праве должен основываться на информации о реальной, а не потенциальной спорности определенного права. Учитывая это при рассмотрении заявления об установлении факта проживания одной семьей мужчины и жен-

щины без брака существование спора о праве должно рассматриваться исключительно путем реального волеизъявления лиц, права которых могут подвергаться воздействию вследствие принятия решения судом. Таким образом, отсутствие факта правонарушения, а, следовательно, и нарушенных, непризнанных или оспоренных прав, свобод или законных интересов, не является основанием для отказа в открытии производства. Только при рассмотрении дела по существу и обнаружив имеющиеся противоречия суд может оставить заявление без рассмотрения.

По нашему мнению, не в каждом заявлении об установлении факта проживания одной семьей мужчины и женщины без брака должно быть отказано в открытии производства по делу, ведь для того чтобы увидеть действительно спор о праве необходимо исследовать ряд обстоятельств, особенно убедиться в отсутствии спора между заинтересованными лицами. В особом производстве «спор о праве» можно расценивать как конфликт интересов заявителя и хотя бы одной из заинтересованных лиц в следствии отрицания такого лица против удовлетворения заявления о подтверждении наличия или отсутствия юридических фактов или неоспариваемых прав [3, 26].

Стадия открытия производства по гражданскому делу предполагает совершение судом определенных процессуальных действий с последующей их трансформацией в соответствующие юридические факты, в частности принятия решения об оставлении искового заявления без движения, о возвращении искового заявления, об отказе в открытии производства или открытие производства по делу. Изучение содержания заявления является сложной умственно процессуальной деятельностью судьи, от надлежащего выполнения которой зависит дальнейшее движение гражданского процесса и возможность полноценной реализации задач, установленных ст. 1 ГПК. Поэтому, получив заявление, особое внимание суд уделяет правильному определению содержания требований, особенно цели, ведь их правильная формулировка будет способствовать дальнейшему развитию процесса. В судебной практике по этому поводу неоднозначная практика.

Так, заявитель обратилась с заявлением об установлении факта проживания одной семьей с наследодателем, целью отметила — для оформления наследства. Суд заявление удовлетворил и открыл производство по делу [8]. В другом аналогичном деле судья отказал в открытии производства по делу, учитывая, что из содержания заявления усматривается спор о праве, поскольку в случае принятия наследства по закону, заявителю перейдет право собственности на имущество, и установление факта проживания может нарушить права законных наследников первой очереди на принятие наследства [9]. По нашему мнению, в этом деле необходимо было провести предварительное судебное заседание с привлечением всех заинтересованных лиц (если такие имеются). Так, в этом деле может и не быть наследников, и окажется, что заявитель является единственной наследницей четвертой очереди, и которой необходимо лишь установить данный факт в судебном порядке для подтверждения нотариусу. Так, к примеру, заявитель обратился в суд с заявлением об установлении факта проживания одной семьей с наследодателем, после смерти которого открылось наследство на часть этого дома. Но в оформлении наследства нотариусом было отказано, поскольку он не является наследником по закону или по завещанию. Установление юридического факта проживания одной семьей заявителю необходимо для дальнейшего получения свидетельства о праве на наследство [10]. Необходимо отметить, что нотариус останавливает совершение нотариального действия, если есть решение суда об открытии производства по делу. Это особенно важно, когда речь идет о других наследниках для того чтобы не потерять свое право на наследование. В случае если такого судебного решения не будет, то имеет место нарушение права лица на наследство, и он вынужден будет снова обращаться в суд.

Есть примеры, когда установление данного факта было связано с имуществом, и во многих ситуациях было открыто производство по делу и даже имело место предварительное судебное заседание. Так, заявитель просила установить факт проживания одной семьей и признание членом семьи для решения вопроса об имуществе [11];

заявитель обратился в суд с заявлением об установлении факта проживания одной семьей, признания членом семьи и получение наследства [12]. То есть, даже при наличии такого предмета спора как имущество судебная практика неоднозначна и производство может быть открыто без проблем и без предвиденья спора о праве.

По нашему мнению, спор о праве может быть обнаружен только при рассмотрении дела по существу, когда реально можно наблюдать, что между сторонами существуют определенные разногласия по поводу наличия, содержания и объема прав и обязанностей. Вывод о существовании спора о праве должен основываться на информации о реальной спорности определенного права. Одного лишь рассмотрения заявления будет недостаточно для того, что бы утверждать о наличии спора о праве.

Любой спор о праве всегда рассматривается в определенной процессуальной форме, в которой протекает процессуальная деятельность органа, который решает спор о праве. Пока спор

о праве не стал рассматриваться по сути компетентным органом в определенной процессуальной форме, он с точки зрения права не существует. Обращаясь в суд, спор о праве фактически отсутствует, но на момент судебного разбирательства он уже реально существует.

Проанализировав судебную практику, можно отметить, что не каждое заявление об установлении данного факта обязательно влечет за собой возникновения спора о праве. Мы считаем, что ч. 4 ст. 256 ГПК есть проблемной и влечет за собой развитие неправильной судебной практики, так как отказывать в открытии производства оценивая само лишь заявления без рассмотрения дела по сути не целесообразно, так как это будет лишением права на своевременное и надлежащее рассмотрение дела. К тому же, в случае отказа в открытии производства по делу, заявитель теряет свое право на наследование, так как нотариус не останавливает совершение нотариального действия, и поэтому он вынужден будет снова обращаться в суд.

Список литературы:

1. Елисейкин П. Ф. Процессуальное понимание спора о праве и его критика // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1981. С. 14.
2. Словарь украинского языка: в 11 т./ред. И. С. Назарова, О. П. Петровская, Л. Г. Скрипник и др. – К., 1978. – Т. 9. – С. 530.
3. Нижний А. В. Спiр про право у цивiльному процесуальному законодавствi та судовiй практицi / А. В. Нижний. // Вiсник ВСУ. – 2015. – С. 26–34.
4. Ненашев М. М. Спор о праве и его место в гражданском процессе: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.15. – Саратов, 2011. – С. 5.
5. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. – М., 2006. – С. 31.
6. Жеруолис И. А. К вопросу о сущности исковой формы советского гражданского процесса // Правоведение. – 1966. – № 4. – С. 61–62.
7. Рудакова М. Ю. Спор о праве и виды гражданского судопроизводства // http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/25/Rudakova@uniyar.ac.ru.pdf
8. Ухвала Бершадського районного суду Вінницької області від 3 травня 2013 року № 202/1441/12 [Електронний ресурс] // Єдиний державний реєстр судових рішень – Режим доступу до ресурсу: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/48522050>.
9. Ухвала Мелітопольського міськрайонного суду Запорізької області 11 грудня 2014 року № 320/12594/14-ц [Електронний ресурс] // Єдиний державний реєстр судових рішень – Режим доступу до ресурсу: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/42099473>
10. Ухвала Ізюмського міськрайонного суду Харківської області 22 лютого 2016 року 623/472/16-ц [Електронний ресурс] // Єдиний державний реєстр судових рішень – Режим доступу до ресурсу: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/56007743>

11. Ухвала Козятинського міськрайонного суду Вінницької області від 22.10.2013 року Електронний ресурс]//Єдиний державний реєстр судових рішень – Режим доступу до ресурсу: 133/2904/13-ц <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/34261698>
12. Ухвала Тростянецького районного суду Сумської області 22 грудня 2014 року № 588/2046/14-ц Електронний ресурс]//Єдиний державний реєстр судових рішень – Режим доступу до ресурсу: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/42043648>

Section 2. Constitutional law

*Yurkovski Alexey Vladimirovich,
Head of the department of state-legal disciplines
of the Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy
of General Prosecutor's Office of the Russian Federation,
senior counselor of justice, Ph. D., assistant professor.
E-mail: avyurkovsky@mail.ru*

Constitutionalism as a result of constitutional revolution, the teaching of the constitution and its impact on society and the state

Abstract: In the present publication deals with the problems of constitutionalism, in the light of his understanding as a complex social, political and legal category, which constitute the foundations of the constitutional ideals of democracy and the existence of certain government institutions, according to the Constitution of the political regime and legal values of the protection system.

Keywords: constitutionalism, democracy, human rights, the right ideology, legal ideology, legal policy, the policy right.

*Юрковский Алексей Владимирович,
Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
старший советник юстиции, к. ю. н., доцент.
E-mail: avyurkovsky@mail.ru*

Конституционализм как результат конституционных революций, учение о конституции и ее влиянии на общество и государство

Аннотация: В предлагаемой публикации рассматриваются проблемы конституционализма, через призму его понимания в качестве комплексной общественной, политической и правовая категории, основы которой составляют идеалы конституционной демократии, наличие определенных институтов власти, соответствующего конституции политического режима и системы защиты правовых ценностей.

Ключевые слова: конституционализм, демократия, права человека, идеология в праве, правовая идеология, правовая политика, политика права.

Конституционализм как результат конституционных революций и учение о конституции является одним из возможных значений в множестве подходов к рассмотрению данного сложнейшего социального и юридического конструкта. Данное значение весьма широко представлено в научной литературе и направлено на выявление

отправных точек и условий возникновения, как самого изучаемого явления, так и научных представлений о нем.

В широком плане конституционализм эволюционирует, начиная от мифологических форм миропонимания — параполитологии IV–III тыс. до н. э. до рационально-логичных форм мышле-

ния, т. е. до признаков теоретического знания, возникновения политико-правовой науки [12].

Под конституционализмом прежде всего, видимо, следует понимать систему представлений об общедемократических, общецивилизационных политико-правовых ценностях государственно организованного общества [13, с. 30–31.].

Данное явление рассматривается как учение о конституции, философско-правовое осмысление конституции [4, с. 154–155].

Конституционализм — это система идей и взглядов, в которых воплощены представления о конституционном государстве, их конституционное оформление, а равно политико-правовая практика реализации таких идей и закрепляющих их норм [2, с. 20].

Под конституционализмом понимается учение о конституции как обоснованном инструменте политического управления государством; в первую очередь сложившаяся в обществе политическая система, основанная на конституции и конституционных методах управления государством [11, с. 54].

Предлагаемое значение, представляет собой наиболее одиозную сферу выбора мировоззренческих пристрастий, которые имеют политическую природу и направлены на утверждение определенного способа восприятия окружающей действительности через призму ценностей западной цивилизации. Предлагаемое значения в современный период является наиболее дискуссионным.

Так, Г. Дж. Берман настаивает на том, что термин «конституционализм» появился в американской политико-правовой мысли в конце XVIII — начале XIX в. Деятели американской революции и основатели Конституции США 1787 г. выделяли им верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами [1, с. 370].

В свою очередь А. Н. Медушевский утверждает, что тип конституционализма, утвердившийся в классических странах буржуазной демократии в XVII–XIX вв., в глобальной исторической перспективе выступает, скорее, как исключение, а не правило. Став идеальной моделью для всех последующих конституционных преобразова-

ний в более отсталых, модернизирующихся странах Европы и других континентов, он испытал на себе обратное, часто крайне деструктивное воздействие той исторической обстановки и социальной среды, реформировать которую он и был призван. И результатом синтеза идеализации и заимствования стало появление феномена мнимого конституционализма — гибрида новых политических форм и старых социально-политических приоритетов [2, с. 71–86].

Между тем, С. М. Тимофеев полагает, что исторически конституционализм передает и закрепляет идейно-теоретическую атмосферу поиска надлежащих принципов организации и функционирования публичной государственной власти, поиска государства, соответствующего природе и идеалам человека. На европейской почве длительное время развивались теория и принципы конституционализма (принцип суверенитета народа, принцип законности, принцип разделения властей, принцип консенсуса, принцип легитимности, принцип плюрализма и др.), которые должны ограничивать властное могущество государства, формировать конкретно-исторические модели гражданского общества и государства, определять их взаимоотношения [14, с. 13–16].

Одновременно Т. Е. Грязнова считает, что сложность изучения проблем конституционализма была обусловлена как незаконченностью процесса развития конституционных учреждений и институтов, так и отсутствием в силу новизны и динамизма осмысливаемых явлений общепринятого академического подхода к предмету нарождающейся науки конституционного права. Показательной в этом ключе является полемика М. М. Ковалевского с известными французскими государствоведами Л. Дюги и А. Эсменом. Считая ошибочным подход Л. Дюги, отождествляющего конституционное право с правом государственным, М. М. Ковалевский убежден в справедливости взглядов А. Эсмена, четко разграничивающего предметы исследования этих наук [5, с. 62–64].

В то же время, утверждает В. Пастухов, нельзя не обратить внимание и на то, что наиболее последовательные приверженцы либерально-демократической идеи, которых, кстати сказать, сами

западные исследователи называют иногда экстремистами от либерализма (либертаристами) [8, с. 1–13], считают, что у подлинной конституции и соответственно у настоящего конституционализма вообще и всегда может быть только либерально-демократическое и никакое другое содержание, потому что конституционализм — это всего лишь политико-правовая оболочка либерализма, или, проще говоря, конституционализм — это либерализм [10, с. 7–8].

Последнее высказывание кажется, наиболее приемлемым акцентом в исследовании социальных и политико-правовых феноменов применительно к странам изначально не являющимися приверженцами западных цивилизационных ценностей.

Начиная с конца XVII в. сначала в Европе, а затем и во всем мире начался процесс перехода народов от феодального и административного общества к буржуазному. Суть его заключается в ограничении прав управленцев, составляющих государственный аппарат, превращении их в инструмент гражданского общества частных собственников. Средством ограничения власти управленцев, возглавляемых правителем государства, являются конституционные нормы [6, с. 7–14].

Конституционализм как юридическое и социальное явление, начал свое формальное формирование и укрепление как учение о конституции, реально влияющее на социальное состояние и развитие в эпоху буржуазных революций в Европе. Именно в тот период было признано, что субъект учредительной власти — народ, принимающая конституцию, учреждает форму своего политического бытия, создавая конкретное государство [15, с. 10–16]. Право избирать собственную форму правления, сменить или изменить ее является неотъемлемым, неотчуждаемым и суверенным правом народа [3, с. 52–53].

Процесс подчинения класса управленцев гражданскому обществу идет волнообразно. Буржуазно-демократические революции, в результате которых появляются конституционные акты, сменяются периодами контрреволюций и контрреформ. При этом принятые ранее на волне революционных преобразований конституции или отменяются, или создается механизм нейтрализации (блокирования) их действия [7, с. 2–8].

Очевидно, что в меняющемся мире будут меняться концепции государственного и правового регулирования. Одновременно целесообразно говорить о том, что любые изменения — это всегда результат утверждения интересов конкретных политических сил, Вместе с тем, не вызывает сомнений тот факт, что приходящие к власти политические силы опираются, в конечном итоге, на средства и способы конституционно-правового регулирования для упрочнения собственных политических позиций, их легализации.

Обобщая обозначенные позиции, подведем краткие выводы по представленной в названии работы постановке вопроса о конституционализме:

1. Конституционализм как феномен социальной действительности является социальным, правовым феноменом который имеет культурное, общественное и личностное значение (значимость) как в Западной, так и в мировой цивилизации.

2. Конституционализм как научная, юридическая категория активно используется в научном дискурсе.

3. Конституционализм как аксиологический конструкт представляет собой систему ценностей конституционно-правового характера.

4. Конституционализм преимущественно основывается на конституционных нормах, предназначенных для обеспечения тенденций к построению общества, в целом соответствующего общепринятым мировым стандартам.

5. Конституционализм является частью мировой цивилизации и положительно воспринимается в демократических странах.

6. Содержание конституционализма неоднозначно и детерминируется национальными культурными, идеологическими и правовыми особенностями, которые обусловлены спецификой подходов, средств и способов поддержания определенного, конкретного конституционного правопорядка и законности.

7. Необходимость пропаганды конституционализма во многом обуславливается приверженностью многих государств и обществ к историческим традициям правовой эволюции и конституционного строительства.

Выводы проведенного исследования носят общий характер и не могут восприниматься в качестве исчерпывающей спецификации конституционализма как социального явления.

Список литературы:

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994.
2. Богданова Н. А. Понятия науки конституционного права: опыт аналитического и системного подходов к построению их системы//Вестник Моск. ун-та. 1999. N 5. Право.
3. Ваттель Э. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. (кн. I, гл. III, § 31–33).
4. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): очерки теории и практики. М.: Городец-издат, 2001.
5. Грязнова Т. Е. Вариативность демократий Нового времени в концепциях либеральных мыслителей второй половины XIX — первой половины XX века//Конституционное и муниципальное право. 2010. N 11. С. 62–64.
6. Денисов С. А. Механизм нейтрализации конституционных норм//Конституционное и муниципальное право. 2007. N 6. С. 2–8.
7. Денисов С. А. Судьба конституций во время контрреформ//Конституционное и муниципальное право. 2010. N 9. С. 7–14.
8. Маврин С. П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе//Журнал конституционного правосудия. 2012. N 3. С. 1–13.
9. Медушевский А. Н. Что такое мнимый конституционализм?//Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71–86.
10. Пастухов В. Конституционная реформа: поэзия принципов и проза правоприменения//Новая газета. 2012. 8 февр. С. 7–8.
11. Рябинин Н. А. Государственность и российский конституционализм//Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20–21 апреля 2000 года). Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001.
12. Самигулин М. В. К вопросу о понятии конституционализма//Право и политика, 2007, N 11.
13. Степанов И. М. Грани российского конституционализма (XX век)//Конституционный строй России. Вып. I. М., 1992. С. 30–31.
14. Тимофеев С. М. Пределы деятельности государства в информационной сфере общества//Информационное право. 2011. N 3.
15. Шустров Д. Г. Учредительная функция конституции//Конституционное и муниципальное право. 2012. N 9. С. 10–16.

Section 3. Business law

*Yordanova Margarita Stefanova,
University of Economics, Var-na, Bulgaria
Department – Law Sciences, PhD in Law, Professor
E-mail: bachvarova@ue-varna.bg; bachvarova@mail.bg*

Insolvency of individuals – theoretical and comparative legal aspects

Abstract: The article contains a comparative legal research on the regulations in case of insolvency of individuals in Russia, USA, Germany and England. The main scientific objective is to show the features of legal regulation and, based on that, to draw conclusions related to the aims and advantages of any regulated procedures in various countries.

Key words: bankruptcy, insolvency, reorganization, liquidation.

*Йорданова Маргарита Стефанова,
Экономического университета Варна, Болгарии,
Доктор права, профессор кафедры „Юридических наук“
E-mail: bachvarova@ue-varna.bg; bachvarova@mail.bg*

Несостоятельность физических лиц — теоретические и сравнительно-правовые аспекты

Аннотация: В статье предлагается сравнительно-правовое исследование нормативного регулирования неплатежеспособности физических лиц России, США, Германии, Англии. Основная научная цель — указать особенности правовой регламентации, и на этой базе вывести обобщения, связанные с целями и преимуществами урегулированных производств в отдельных государствах.

Ключевые слова: несостоятельность, неплатежеспособность, реорганизация, ликвидация.

В мировом масштабе существуют разнообразные законодательные подходы при решении проблемы т. наз. потребительской несостоятельности, которая предполагает состояние неплатежеспособности физического лица. С одной стороны, во Франции, Испании, Бельгии, Италии признание несостоятельности физических лиц возможно только при том условии, что налицо связь с их предпринимательской деятельностью. В отличие от них, в отдельных государствах существует конкретное нормативное регулирование, с учетом которого физические лица, подобно торговцам, располагают правом освободиться

от своих долгов в порядке специфическим образом урегулированного производства. В связи с этим, в настоящем изложении подвергается научному анализу правовое регулирование США, Германии, Англии, России, с целью выделить преимущества при его практическом применении.

Законодательство США один из исторических примеров наличия традиций в регулировании личной и корпоративной несостоятельности, урегулированных единым и кодифицированным актом [1, 6]. В США признание несостоятельности физических лиц является предметом правового регулирования в Bankruptcy Code от 1978.

С 2005 года действует и специальный акт для предотвращения злоупотреблений в случае банкротства, и защиты прав потребителей: Bankruptcy Abuse Prevention and Consumer Protection Act of 2005. (BAPCPA). Он предусматривает процедуру консультации в рамках 6 месяцев до подачи официального заявления в компетентный орган. Правило находится в тесной связи и с юридической возможностью в США прийти к внесудебному соглашению с кредиторами, что является и приоритетной целью законодательства, с учетом утвержденной концепции **fresh start** (новое начало) [2,74]. Важной особенностью является и рассмотрение подобного рода правовых споров специально созданными для этого судами (bankruptcy court) [3, 2]. Нормативное регулирование применимо как в отношении физических лиц, так и в отношении компаний (корпораций) и партнерств (объединений). Инициатива возложена на самого должника и его кредиторов, причем в гипотезе признания фиктивного банкротства предусмотрена уголовная ответственность. Предусматривается одноразовое освобождение должника от долгов раз в 8 лет.

В Англии имеется единый Закон о несостоятельности (Insolvency Act) от 1986 года, применимый как в отношении торговцев, так и в отношении физических лиц. Положения учитывают качество лиц, в связи с чем разграничиваются: несостоятельность и ликвидация коммерческих обществ (*company insolvency— company winding up*) и банкротство физических лиц (*insolvency of individuals—bankruptcy*). При несостоятельности физических лиц (*personal insolvency*) имеются различные методы удовлетворения кредиторов. На практике осуществляется ликвидация, которой руководит конкурсный управляющий, при возможности правового освобождения должника от ответственности.

В Германии юридическая возможность физического лица — должника освободиться от своих долгов обозначается как частное банкротство (*Verbraucher insolvenzverfahren*). Основной его целью является освобождение от остаточной части долга в порядке судебной процедуры. Основное требование в том, чтобы должник являлся физическим лицом, и не занимался самостоятельной

коммерческой деятельностью. Основное различие между коммерческой несостоятельностью и потребительской несостоятельностью заключается в возможности добросовестного должника воспользоваться от института освобождения долгов по решению суда, и на предусмотренных законом условиях. Производство применимо, если должник не является частным предпринимателем, количество кредиторов не превышает 20, и отсутствует задолженность, вытекающая из трудовых правоотношений. Процедура охватывает следующие этапы, обычно в рамках 6–7 лет: а) досудебный этап добровольного урегулирования отношений с кредиторами; б) судебная процедура по достижению соглашения с кредиторами при участии суда; в) конкурсное производство, предусматривающее контроль над имуществом должника, с целью его долгосрочной реализации; г) период наблюдения последующей деятельности должника. Важным моментом законодательства Германии является то, что до момента обращения в суд, проводится процедура внесудебного удовлетворения кредиторов. Освобождение от долгов предусмотрено только в отношении благонамеренных должников, которые не совершили преступления против кредиторов или злоупотребления, с тем, чтобы получить субсидии от общественных фондов, а также и не были освобождены от долга на протяжении последних 10 лет.

В России имеется изменение Закона о несостоятельности от 2015 г., который предусматривает и тексты, которые регламентируют несостоятельность и физических лиц как самостоятельный институт. Основной нормативной предпосылкой для его применения является наличие долгов, которые превышают 500 тысяч рублей, и их неоплата продолжалась более 3 месяцев. Допускается принятие плана реструктуризации долгов на срок до 5 лет, и назначение временно управляющего имуществом (административного управляющего). Поначалу все имущество должника формирует конкурсную массу, которая подлежит реализации. Из него исключаются: единственное жилище и земля, на которой оно построено, государственные награды, почетные знаки, одежда для обычного употребления, топливо, бытовая техника, если не превышает 30 000 рублей.

Для открытия производства современные законодательные решения ориентируются на фиксирование в законе минимального размера долга, который является допустимым порогом для подачи заявления в компетентный орган (США, Россия). В США допускается подача заявления только кредитором, долг перед которым не обеспечен, при этом кредиторов как минимум трое, и минимальная сумма долга 5000 долларов. Уже на дату подачи заявления кредитор обязан доказать факт существования задолженности к нему, и факт неисполнения со стороны должника.

Органом, компетентным рассматривать производство, является суд, причем отдельные государства применяют различные нормативные подходы. В части из них, что является и преобладающим случаем, дела рассматриваются общими судами, прежде всего (районными по степени). В порядке исключения, в США существуют специально созданные специализированные суды (bankruptcy court), в России компетентным является арбитражный суд. В качестве более нетипичных решений — рассмотрение судебным исполнителем (Австралия) или конкурсным управляющим (Новая Зеландия). Право обратиться в компетентный орган принадлежит самому должнику, кредиторам, налоговым службам (Россия). Оно осуществляется одновременно в рамках определенного периода времени (5 лет в России или 8 лет в США). В США в зависимости от заявления и приложенных к нему документов, применяются следующие процедуры: а) по гл. 11 Bankruptcy Code, которая предполагает **реорганизацию**, при этом должник сохраняет контроль над имуществом, и предлагает план реорганизации, который подлежит утверждению судом; б) в порядке гл. 7, которая регулирует **ликвидацию**, что означает распродажу активов должника, за счет средств от которых удовлетворяются его кредиторы по очередности, урегулированной федеральными законами; в) по гл. 12, применимой в отношении фермеров, и предусматривает реструктуризацию долгов тех из них, у которых постоянные годовые доходы. Специфика указанного регламента в том, что физическое лицо сохраняет свое имущество, и расплачивается с кредиторами за счет доходов, полученных в будущих

периодах; г) по гл. 13, которая применяется в отношении физических лиц при том условии, что у них имеются устойчивые доходы, и они желают сохранить часть своих активов.

В США законодательство предусматривает и два вида ответственности, если не соблюдены положения в отношении несостоятельности физических лиц — гражданская и уголовная. Согласно ст. 110 Bankruptcy Code при проявлении небрежности со стороны должника он несет гражданскую ответственность при том условии, что заявление не содержит полной информации. Уголовная ответственность включает штраф или лишение свободы, когда имеют место деяния, признаваемые преступлениями, чаще всего: сокрытие имущества в активах физического лица или предоставление ложной информации. [4, 234].

В России, перед тем как признать лицо несостоятельным, допустимы следующие процедуры: а) реструктуризация долга, которая осуществляется, прежде всего, путем переноса платежа и рассрочки во времени. Предпосылкой для этого является наличие у должника постоянного месячного дохода и отсутствие судимости за преступление в сфере экономики. Применяется чаще всего при кредиторе-банке, который составляет новый план погашения со сроком максимум до 3 лет. При невыполнении этого плана допускается приступить к распродаже имущества должника; б) заключение соглашения между должником и кредиторами, которым они регулируют свои отношения, и уверены, что оно подлежит выполнению. При невозможности урегулирования способа оплаты и признании лица несостоятельным, суд лишает его права распоряжаться своими правами и назначает ему управляющего. С этого момента сделки, совершенные без его участия, считаются недействительными. Последствия процедуры связаны с рядом ограничений, таких как: лишение права заниматься коммерческой деятельностью; временное ограничение выезда из страны, запрет на занятие управленческими функциями в рамках 3 лет, в рамках 5 лет не допускается получение займа в кредитных учреждениях. При установлении фиктивного процесса несут уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет.

На базе сравнительного обзора и научного анализа можно систематизировать следующие выводы в отношении нормативного регулирования отношений в случае неплатежеспособности физических лиц:

Производства, урегулированные отдельными законодательствами, имеют конечной целью их освобождение от своих долгов при определенных законом предпосылках. В отличие от них, производства в отношении хозяйственных субъектов имеют главной целью сохранение предприятия и восстановление их платежеспособности. Следует отметить, что законодательство отдельных государств направлено на *добросовестных должников*, которые действительно находятся в состоянии объективной невозможности платить по своим долгам, при этом освобождение от них до того размера, до которого они могли бы их обслу́живать. Параллельно с этим предусматриваются и санкционирующие нормы (имущественная и уголовная ответственность) в отношении тех лиц, которые используют институт освобожде-

ния от долга в корыстных целях (при фиктивном или преднамеренном банкротстве).

Отдельные национальные законодательства намечают тенденцию введения конкретного законодательства, регулирующего отношения при наличии неплатежеспособности физических лиц. По причине исторических, национальных, экономических и юридических специфик, принятие правового регулирования следует осуществить на базе предварительного анализа и прогноза предполагаемой его эффективности. Положительные результаты и преимущества специальной регламентации сводятся к: обеспечению возможности для нового начала добросовестным должникам в рамках 3–6 лет; погашению долгов с учетом возможностей должника; автоматическому переходу к исполнению (принудительное производство или несостоятельность), с учетом интересов кредиторов. Принимая во внимание указанные результаты, учитывается и положительный эффект на экономическую стабильность соответствующего государства.

Список литературы

1. Charles Jordan Tabb. The history of the bankruptcy laws in the United States. - 51 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.du.edu/documents/registrar/advanced-assignments/2009-fall/Sousa-Bankruptcy.pdf>
2. Porter, K.D. Thorne. (2006), The failure of bankruptcy's fresh start. – 128 Cornell Law Review, vol. 92 N67, –128 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawschool.cornell.edu/research/cornell-law-review/upload/porterthorne_92-1.pdf
3. Сафронов, Н. Современное состояние института несостоятельности в США. Журнал „Дайджест-финансы“ № 3, 2001, –15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.mirkin.ru/_docs/articles03-097.pdf
4. Королев, В. Банкротство физических лиц по законам США. Электронный ресурс] – Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-fizicheskikh-lits-po-zakonom-ssha>

*Smolenskiy Mikhail Borisovich,
professor, doctor of sociological sciences, candidate of juridical sciences,
professor of the Rostov branch of Russian customs academy civil law
disciplines department, professor of Don State
Technical University «Civil Law» department
E-mail: rta-sf@mail.ru*

*Levshin Nikolay Sergeevich,
undergraduate student of Rostov branch
of the Russian Customs Academy, postgraduate student
of Don State Technical University
E-mail: admin@biznes-informatika.ru*

The actual problems of legal maintenance for multilingual web-interfaces

Abstract: Modern web-technologies simplify business' management, involving customers, partners, resellers, and suppliers from around the globe. It causes increase of popularity among web-interfaces that can adapt to the needs of different language group's representatives. These interfaces can come within the jurisdiction of more than one country. It causes a variety of legal consequences, which are observed in this article.

Keywords: web-interface, multilanguage, multilingual interface, interface engineering.

*Смоленский Михаил Борисович,
профессор, доктор социологических наук,
кандидат юридических наук, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала
Российской таможенной академии, профессор кафедры «Гражданское право»
Донского Государственного Технического Университета
E-mail: rta-sf@mail.ru*

*Левшин Николай Сергеевич,
магистр бизнес-информатики, аспирант кафедры
«Информационные технологии» Донского государственного
технического университета, студент магистратуры
Ростовского филиала Российской таможенной академии
E-mail: admin@biznes-informatika.ru*

Актуальные проблемы правового обеспечения мультиязычных веб-интерфейсов

Аннотация: Современные веб-технологии упрощают ведение бизнеса с привлечением клиентов, партнеров, посредников и поставщиков со всего земного шара. Это обуславливает рост популярности веб-интерфейсов, способных адаптироваться под потребности представителей различных языковых групп. Такие интерфейсы могут подпадать под юрисдикцию нескольких государств, что влечет за собой возникновение разнообразных правовых последствий, рассмотрению которых и посвящена основная часть данной статьи.

Ключевые слова: веб-интерфейс, мультиязычность, мультиязычный интерфейс, проектирование интерфейсов.

В наше время практически каждый электронный ресурс использует тексты, имеющие юридическую силу: пользовательское соглашение, условия оферты, политика конфиденциальности, образцы договоров и пр. Такие тексты должны быть не только переведены на другой язык, но и адаптированы под нормы законодательства той страны, на которую направлена конкретная версия веб-интерфейса. При этом, очень важно не упустить из внимания то обстоятельство, что «направленность» интерфейса определяется не мнением владельца и разработчиков веб-проекта, а критериями, применяемыми госслужащими того или иного государства.

Например, по мнению специалистов Минкомсвязи РФ [1], о наличии направленности интернет-сайта на территорию Российской Федерации могут свидетельствовать следующие обстоятельства: 1) использование доменного имени, связанного с Российской Федерацией или субъектом РФ (.ru, .рф., .su, .москва., .moscow и т. п.) и (или) 2) наличие русскоязычной версии интернет-сайта, созданной владельцем такого сайта или по его поручению иным лицом.

При этом уточняется, что использование на сайте или самим пользователем плагинов, предоставляющих функционал автоматизированных переводчиков с различных языков не должно приниматься во внимание. А, поскольку русский язык широко используется в некоторых странах за пределами Российской Федерации, для определения направленности интернет-сайта именно на территорию Российской Федерации, дополнительно необходимо наличие, как минимум, одного из следующих элементов:

- возможность осуществления расчетов в российских рублях;
- возможность исполнения заключенного на таком интернет-сайте договора на территории Российской Федерации (доставки товара, оказания услуги или пользования цифровым контентом на территории России);
- использование рекламы на русском языке, отсылающей к соответствующему интернет-сай-

ту, или иных обстоятельств, явно свидетельствующих о намерении владельца интернет-сайта включить российский рынок в свою бизнес-стратегию.

Следует учитывать, что адаптации подлежат не только юридические документы, но и сам интерфейс веб-ресурса. Например, законодательство разных стран может предусматривать необходимость отображения различных предупреждений для посетителей. Это может касаться и возрастных ограничений на доступ к предоставляемой информации, но особую проблему представляют вопросы защиты персональных данных посетителей из разных государств.

Так, Евросоюзом принят целый ряд директив, регламентирующих вопросы обработки персональных данных посетителей веб-сайтов. В частности, Директива 2002/58/ЕС [2] обязывает операторов общедоступных электронных коммуникационных сервисов:

- получать от посетителя осознанное согласие на обработку его данных (включая содержаемое cookie-файлов), предварительно предоставив посетителю полную информацию о том, для каких целей эти данные предполагается использовать;
- незамедлительно уведомлять компетентные органы в случае возникновения угрозы разглашения персональных данных посетителей;
- при наличии угрозы, способной причинить какой-либо ущерб, уведомить самого посетителя, а также принять все доступные меры для минимизации последствий этой угрозы.

Нужно сказать, что эти положения не только вошли в национальное законодательство ряда стран-участниц Европейского Союза, но и, со временем, получили там различного рода дополнения. Например, в марте 2016 года, судьи города Дюссельдорфа (Германия) пришли к заключению, что веб-сайты обязаны информировать посетителей о том, что нажатие на кнопку «Нравится» от «Facebook» может привести к передаче их данных социальной сети. И размещать такую кнопку без такого предупреждения веб-сайты не имеют права [3].

Не стоит забывать и о том, что ограничения на хранение и обработку персональных данных пользователей существуют и в странах, не являющихся участницами Евросоюза. Но, поскольку данное исследование ориентировано, в первую очередь на тех читателей, которые, так или иначе, сталкиваются с русскоязычными интерфейсами, то основное внимание здесь будет уделено положениям российского законодательства.

В первую очередь, следует упомянуть о том, что 1 сентября 2015 года вступило в силу положение о локализации хранения и отдельных процессов обработки персональных данных, определенное в Федеральном законе № 242 от 21 июля 2014 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» (далее — 242-ФЗ) [4].

Согласно этому положению, начиная с 1 сентября 2015 года, «оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации» [5].

А, из разъяснений Минкомсвязи следует, что обязанность по локализации отдельных процессов обработки персональных данных распространяется на всех операторов, осуществляющих деятельность, направленную на территорию Российской Федерации, в условиях отсутствия исключений, прямо указанных в ч. 5 ст. 18 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — 152-ФЗ).

Таким образом, можно констатировать, что под действие норм, привнесенных в российское законодательство положениями 242-ФЗ, подпадает довольно широкий круг владельцев веб-ресурсов. И все они, на основании вышеприведенных разъяснений Минкомсвязи, обретают статус «операторов персональных данных». Следовательно, они обязаны соблюдать не только требования о локализации персональных данных россиян на территории РФ, но и все остальные требования к операторам персональных данных, предусмотренные 152-ФЗ [6].

В частности, речь идет о следующих требованиях:

- требование об обработке данных только при наличии согласия субъекта данных (ст. 6 152-ФЗ);
- положение об общей и специальных формах, в которых может быть получено согласие на обработку персональных данных (ст. 9 и ст. 12 152-ФЗ);
- требования об ограничениях, связанных со сбором биометрических и специальных категорий персональных данных (ст. 10 и ст. 11 152-ФЗ);
- требования о применении технических мер по защите обрабатываемых данных и иные обязанности оператора (ст. 19 152-ФЗ).

В случае нарушения вышеперечисленных требований, российским законодательством предусмотрены разнообразные санкции, описанные в ст. 13.11, ст. 19.5 и ст. 19.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ). Например, за невыполнение в срок законного предписания Роскомнадзора, предусмотрен максимальный штраф в 500000 рублей (ст. 19.5 КоАП РФ) [7].

Помимо вышеперечисленных штрафных санкций, в целях ограничения доступа к информации в сети Интернет, обрабатываемой с нарушением законодательства о персональных данных, 1 сентября 2015 года, была запущена автоматизированная информационная система, получившая название «Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных».

Создание данного Реестра было предусмотрено изменениями, внесенными 242-ФЗ в Федеральный закон № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно этим изменениям, единственным основанием для включения информации в «Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных» является вступившее в законную силу решение суда [8]. Но по факту данная мера пресечения может принести нарушителю гораздо более существенные убытки, чем штрафы, предусмотренные КоАП РФ.

Из вышесказанного следует, что гарантированно избежать большей части вышеперечислен-

ных санкций, позволяет только размещение русскоязычного интерфейса электронного ресурса на территории Российской Федерации. Что гораздо проще сделать в том случае, если он реализован на базе обособленной информационной системы с использованием отдельной базы данных.

Список литературы:

1. Обработка и хранение персональных данных в РФ. Изменения с 1 сентября 2015 года: комментарии к законопроекту. URL: www.minsvyaz.ru/ru/personaldata/ (дата обращения: 20.08.2016).
2. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 г. в отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи (в редакции Директивы 2006/24/ЕС от 15 марта 2006 г. и Директивы 2009/136/ЕС от 25 ноября 2009 г.). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. German court: Facebook Like button data transfer illegal without user consent. URL: <http://marketingland.com/german-court-users-must-consent-to-like-button-data-transfer-168109> (дата обращения: 20.08.2016).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях: федер. закон № 242 от 21 июля 2014 г. (ред. от 31.12.2014)//Собрание законодательства РФ, 28.07.2014, N 30 (Часть I), ст. 4243.
5. О персональных данных: федер. закон № 152 от 27 июля 2006 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015): по состоянию на 08.10.2015//Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
6. Смоленский М., Левшин Н. Актуальные проблемы правового обеспечения предпринимательской деятельности в сети Интернет//Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 12 (67). С. 135–140.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон № 195 от 30.12.2001 (ред. от 06.07.2016)//Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон № 149 от 27.07.2006 (ред. от 06.07.2016)//Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

Section 4. Criminal law and criminology

Mashinnikova Natalia
attorney, NPO "The Bar Association of the Udmurt Republic"
E-mail: n-alico@mail.ru; exofficiorus@gmail.com

Fraud, matter, methods of execution

Abstract: There is in the article the matter under consideration is a problem of terms like "fraud" and "theft". The statistics of committing fraud from total amount of committed crimes in Russian Federation in 2014–2016 years (excluding the Republic of Crimea and Sevastopol) is provided. The new formulation of disposition of the article № 159 of the Russian Criminal Code, providing liability for fraud, are in the article. The author suggests to stand out the fraud committed by method of acquisition of right to other people's property at the separate structure.

Key words: property, theft, deceit, abuse of rights, fraud, by method of acquisition of right.

Машинникова Наталья Олеговна,
адвокат, НО «Удмуртская республиканская коллегия адвокатов»
E-mail: n-alico@mail.ru; exofficiorus@gmail.com

Мошенничество, сущность, способы совершения

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы о сущности таких понятий как «мошенничество» и «хищение». Приводится статистика совершения мошенничества от общего числа совершенных преступлений на территории Российской Федерации за периоды 2014–2016 годов (без учета таких регионов, как Республика Крым и город Севастополь). Предлагаются новые формулировки таких понятия «хищения» и новая формулировка диспозиции статьи № 159 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество. Автор предлагает выделить в отдельный состав мошенничество, совершенное способом приобретения права на чужое имущество.

Ключевые слова: «собственность», «хищение», «обман», «злоупотребление правом», «мошенничество», «путем приобретения права».

За последние четверть века развития российского общества главную роль в общественной и политической жизни стали играть правоотношения связанные с собственностью. Данное обстоятельство является закономерным, поскольку одним из социально значимых институтов, содержание которого предполагает основу на каждом этапе общественного развития, является собственность.

Председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин определяет

собственность как систему экономических и правовых отношений, которая определяет общественный строй, создает основу власти, в значительной мере обуславливает поведение людей [4, 411].

О роли и значении рассматриваемой экономической категории в жизнедеятельности российского общества свидетельствует тот факт, что юридическая форма отношений собственности — право собственности — образует самый крупный гражданско-правовой институт. Законодателем разработаны нормы, охраняющие

собственность, и в уголовном законодательстве, однако качество проработки указанных норм не в полной мере отвечает сложившейся экономической ситуации.

Г. Ф. В. Гегель в своем труде «Философия права» определяет собственность в качестве критерия равенства всех людей. Право собственности, с точки зрения Б. Н. Чичерина есть коренное юридическое начало вытекающее из свободы.

Доктор юридических наук, профессор МГЮА имени О. Е. Кутафина Понятовская Т. Г. определяет собственность как правовое благо, которое непосредственно связано со своим носителем. Ее содержательная, правовая и экономическая стороны определяются и реализуются исключительно через него (носителя) [5, 100–106].

В связи с фактической сменой государственного строя произошедшего в нашем государстве на рубеже 80–90-х годов произошли и существенные изменения, как юридической формы, так и реального содержания имущественных отношений.

В связи с интенсивным развитием отношений в сфере экономики предметом товарообмена при заключении гражданско-правовых сделок становятся не только вещи как материальные блага, но и нематериальные ценности, лишённые физического признака, в том числе и имущественные права. В экономический оборот всё интенсивнее включаются природные ресурсы, недвижимость, результаты интеллектуальной деятельности, информация. В связи с чем, повышенное значение приобретают общетеоретические и прикладные задачи разработки и применения уголовного закона в соответствии с современными тенденциями развития экономических отношений.

Конституция РФ не определяет больше собственность как «основу экономической системы» общества.

Согласно содержанию ст. 2 Конституции РФ — права и свободы человека являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита которых является обязанностью государства.

Граждане Российской Федерации, участвуя в имущественных отношениях, приобретают сложный комплекс имущественных прав и интересов, охрана которых становится одной из главных задач современного права.

Первостепенную роль в решении этой задачи играет уголовное законодательство России.

Действующая редакция Уголовного закона содержит 17 статей (ст.ст. 158–168 УК РФ), которые объединены в главу 21 «Преступления против собственности». Предусмотренные этими статьями составы преступлений образуют нормативно-правовую основу выполнения стоящей перед уголовным законом задачи правовой охраны собственности.

В число указанных норм входят ст.ст. 159–159.6 УК РФ, где ст. 159 представляет собой основной состав «Мошенничества», а все последующие составы определяют мошенничество в качестве преступного посягательства в конкретных правоотношениях (так например, ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат» и т. д.). Проблема защиты имущества от данных посягательств является актуальной, так как при хищении чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием физические и юридические лица лишаются значительных материальных ценностей либо возможности пользоваться принадлежащим им имуществом в соответствии с его целевым назначением и извлекать пользу из его свойств.

В настоящее время в структуре преступности особое место занимают разнообразного рода мошеннические действия (ст.ст. 159–159.6 УК РФ), поскольку указанные деяния по совокупности своих признаков с точки зрения обычного обывателя, как правило, носят псевдо законный характер и их совершение, как правило, маскируется под стандартные гражданско-правовые отношения. В результате таких псевдо легальных гражданско-правовых отношений потерпевший лишается своего правового блага — собственности.

Кроме того, общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат» как правило, наносит ущерб исключительно государству, поскольку, подразумевает под собой мошеннические действия с разнообразными социальными выплатами и субсидиями.

В структуре преступности мошенничество продолжает занимать далеко не последнее место.

Так согласно данным Росстата России [7] (без учета Республики Крым и гор. Севастополь) количество зарегистрированных преступлений, квалифицированных по разным составам мошенничества за период с января по октябрь 2014 года в процентном соотношении к аналогичному периоду 2013 года составило 95,8%. За период с января по октябрь 2015 года в процентном соотношении к аналогичному периоду 2014 года количество совершенных преступлений составило уже 121,4%. За период с января по май 2016 года в процентном соотношении к аналогичному периоду 2015 года количество совершенных преступлений составило уже 128,4%.

Количество зарегистрированных преступлений квалифицированных правоохранительными органами по ст.ст. 159–159.6 за период январь–май 2016 года в абсолютной величине составило 93 100,00 преступлений. При этом, общее количество зарегистрированных правоохранительными органами преступлений за указанный период составило 982 000,00 штук.

Таким образом, исходя из указанных статистических данных количество зарегистрированных преступлений, квалифицированных правоохранительными органами по ст.ст. 159–159.6 от общего числа зарегистрированных преступлений по итогам 5 месяцев 2015 года составило 9,48%, что на наш взгляд является существенным.

При этом существенная доля лиц, в отношении которых были совершены какие-либо мошеннические действия, составляет социально незащищенные граждане (например, мошенничество с куплей-продажей квартир, создание разнообразных финансовых пирамид и прочие).

Рассмотрим, что же представляет собой мошенничество.

Согласно Уголовному кодексу РФ от 1996 года мошенничество — есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1].

Следует отметить, что содержание мошенничества состоит в том, что в результате совершения указанных противоправных действий потерпевший (физическое либо юридическое лицо) лишается, как правило, своего персонифицированного имущества.

Следовательно, сущность мошенничества состоит не в самом хищении, а в причинении потерпевшему имущественного ущерба. А само понятие «хищение» в настоящее время не охватывает всех возможных способов совершения мошеннических действий.

Так в понятие «хищения» сформулированное действующим уголовным законом не входит понятие «приобретения права на чужое имущество», что также подтверждает то обстоятельство, что нельзя обуславливать сущность мошенничества именно хищением в рамках действующей формулировки последнего.

Федеральным законом РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ Законодатель ввел в Уголовный кодекс РФ, оставив без изменений признаки состава мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, ряд дополнительных составов, сформулировав самостоятельные основания уголовной ответственности за мошенничество: в сфере кредитования (ст. 159.1), при получении выплат (ст. 159.2), с использованием платёжных карт (ст. 159.3), в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4), в сфере страхования (ст. 159.5), в сфере компьютерной информации (ст. 159.6). Признание за данными видами мошенничества значения самостоятельных составов преступлений, отражающих специфику предмета посягательства, сферу и способ совершения преступления, Законодатель предполагает, что состав мошенничества, предусмотренный ст. 159 УК РФ, получил статус общего состава мошенничества. При этом, исходя из анализа указанных составов, можно полагать, что с закреплением в Уголовном кодексе РФ различных видов мошенничества, совершаемого в сфере кредитования, страхования компьютерной информации и т.д. (исключая мошенничество в сфере предпринимательской деятельности), понятие мошенничества окончательно получило смысл, как определённого рода хищения, и, следовательно, например, вопрос о приобретении права на чужое имущество остаётся открытым.

При этом по своей сути диспозиция статьи 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» (действовавшей на период 2013–2014 годов, в последнее время ее по-

ложения не применялись) [2], т. е. сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, является именно причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (например, умышленная неоплата работ или получение денег по договору займа с впоследствии возникшим прямым умыслом не возвращать долг). При таком способе совершение мошенничества не происходит изъятия (хищения) чужого имущества либо права на него, а потерпевшему причиняется имущественный ущерб путем неоплаты либо невозврата. В данном случае способ совершения мошенничества нематериален (не осязаем).

После введения в действие Федерального закона № 323-ФЗ от 03.07.2016 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований порядка освобождения от уголовной ответственности» положения ст. 159.4 фактически утратили свою силу. Однако соответствующий состав, указанным законом был закреплен в ч. 5 ст. 159 УК РФ в той же формулировке, изменились только положения о размере ущерба и мере ответственности за совершенное преступление.

Теперь положения ст. 159 УК РФ содержат как общий состав мошенничества, так и специальный. При этом способ совершения хищения, указанный в ч. 5 существенно отличается от способа указанного в ч. 1 настоящей статьи, которая в свою очередь характеризует общий способ совершения мошенничества как хищение, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием. Тогда как в части 5 указывается на причинение имущественного ущерба путем невозврата либо неоплаты.

В связи с чем полагаем, что в диспозиции ст. 159 УК РФ, где законодателем раскрывается общее понятие мошенничества, допущена ошибка, поскольку мошенничеством по своей правовой природе является причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Считаем что, обуславливая мошенничество именно хищением чужого имущества либо приобретением права на чужое имущество, законо-

датель оставил открытой возможность для совершения разнообразных мошеннических действий в сфере экономической деятельности, а с введением в уголовный закон конкретизирующих составов, актуализировал вопрос о возможности совершения хищения путем приобретения права на чужое имущество.

В ст. 169 УК РСФСР от 1926 года [3] под мошенничеством понималось злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод.

На наш взгляд указанное определение мошенничества актуально в настоящее время и полностью соответствует сложившейся экономической и политической ситуации.

Безусловно, наличие прямого умысла в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием должно быть обязательным при совершении мошеннических действий.

С точки зрения Л. В. Семиной диспозицию ст. 159 УК РФ следует изложить таким образом — «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» [6–6].

При этом полагаем, что с указанной формулировкой необходимо согласиться, поскольку она объективно выражает правовую и содержательную сущность мошенничества в том виде, в каком оно имеет место в современных экономических условиях.

Кроме того, при правильной и полной формулировке основного состава мошенничества, которая бы отвечала современным экономическим и политическим реалиям, введение в уголовный закон дополнительных составов мошенничества будет излишним.

В связи с чем, предлагаем сформулировать понятие мошенничества следующим образом:

«Мошенничество — причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с целью обращения имущества собственника либо иного владельца в пользу виновного либо третьих лиц».

При этом предлагаем выделить в отдельную статью в качестве особого способа мошенниче-

ства приобретение права на чужое имущество и изложить его в следующей формулировке:

«Мошенничество, совершенное в форме приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, создающее угрозу причинения ущерба собственнику и (или) иному владельцу имущественного права, совершенное из корыстной цели или иной личной заинтересованности».

При этом одной из форм причинения имущественного ущерба является хищение.

Исходя из того, что мошенничество включено в состав главы 21 УК РФ «Преступления против собственности», где ключевым понятием является понятие «хищения», то возможно пойти по пути проработки более емкого и содержательного раскрытия самого термина «хищения» применительно к действующему уголовному закону с учетом сложившихся экономических отношений и политической ситуации.

В действующем уголовном законе под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [1].

При этом, при раскрытии Законодателем понятия мошенничества в ст. 159 УК РФ «хищение чужого имущества» противопоставляется «приобретению права на чужое имущество».

В связи с чем становится очевидным, что противоправное приобретение права на чужое имущество по смыслу действующего закона хищением не является, что само по себе не соответствует современной экономической ситуации в стране.

В связи с чем, считаем возможным изложить понятие хищения следующим образом:

«Хищение — противоправное, безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества либо оформление (приобретение) права на чужое имущество в пользу виновного либо третьих лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества или создавшее угрозу причинения такого ущерба, совершенное из корыстной цели или иной личной заинтересованности».

Таким образом, полагаем, что предлагаемые выше формулировки таких понятий как «мошенничество» и «хищение» будут наиболее полно и объективно соответствовать современным экономическим отношениям, способствовать охране законных прав и интересов собственников, а также иных владельцев имущества. А с учетом деления состава мошенничества именно по способу его совершения путем хищения либо путем приобретения права на чужое имущество необходимость включения в уголовный закон дополнительных составов предусматривающих самостоятельные основания уголовной ответственности за мошенничество будет излишней.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 30.12.2015) Правовая система «Консультант-Плюс».
2. Постановление Конституционного суда РФ от 11.12.2014 г. № 32-П Правовая система «Консультант-Плюс».
3. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. Электронный текст документа подготовлен ЗАО «Кодекс» и сверен по: М.: Госюриздат, 1957 (Кодекс); Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 06.12.26, N 80, (постановление ВЦИК); URL: <http://www.kodeks-luks.ru/>
4. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России № 15, с. 411 М., 2011.
5. Понятовская Т. Г. Охраняется ли собственность нормами об ответственности за хищение чужого имущества? // Бургаски свободен университет. Център по юридически науки. Юридически сборник. Том XXII, 2015. С. 100–106.
6. Семина Л. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты мошенничеств, совершаемых в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 6;
7. Сайт Росстата России <http://www.gks.ru>

Section 5. Property law

*Shkëndi Çili, European University of Tirana
PhD Candidate in Law, lawyer, Social Security Institute
E- mail: cilishkendi@yahoo.co.uk*

Analysis on legal activity of Albanian Adoption Committee and the authorities to guarantee the protection of children in the field of national or international adoption

Abstract: Albanian Adoption Committee is the central authority only in Albania, which guarantees the protection of rights of children in the foster national or international and best interests of children declared abandoned, to ensure families suitable and worthy, in order to create conditions for their upbringing and education.

Keywords: Albanian Adoption Committee, domestic and international adoptions, adoptive parent, adopted, UN.

Albanian Adoption Committee was established in 1993, initially as a non-profit collective body. It is the only Central State Authority in Albania, which conducts domestic and international adoptions. Before the democratic changes that occurred in the early 1990s, Albania ADOPTION not recognized, while domestic adoption is regulated by Articles 48 and 62 of the Family Code of June 1982. With the opening of Albania towards the democratization process, many things changed, among them the issue of international adoption, which took place 1991–1992 years according to the requirements of foreign nationals themselves directly in child care institutions [1].

Thus, in 1991 about 100 Albanian children are adopted by foreigners and in the first 10 months of 1992 were adopted more than 80 children. Precisely at this time appeared the phenomenon of adoption of children by foreign nationals is, but now directly from households and not just by the institutions. Lack of experience, laws and structures, created problem over control of the process of the bore and the abuse and corruption. To create a normal situation and control, it was drafted and approved Adoption Law no. 7650, dated 17. 12. 1992, which dealt with the establishment of the Central Authority who will assume a heavy burden, but also quite important. [2].

Thus, under the Adoption Act 7650, dated 17. 12. 1992 “On the adoption of minors by foreign citizens and for some changes to the Family Code” in 1993 established the Albanian Adoption Committee that assisted, encouraged and supervised protection of minors through adoption and to ensure cooperation with the competent public authorities and private organizations known, Albanian or foreign. The activity of this institution in the provision of services to citizens initiated in 1994. Since 1993 onwards Albanian Adoption Committee has been operating as a separate institution directly under the Council of Ministers and then in 2003 with the reorganization and restructuring of some central-level institutions, namely through the Law no. 9112 dated 24.07.2003 for some amendments to Law no. 8678 dated 14.05.2001 “*On the organization and functioning of the Ministry of Justice*,” [3] the latter passed under the Ministry of Justice.

Mission. In its strategy Albanian Adoption Committee is always guided by a principle that runs throughout keeps the Albanian legislation in the field “in plan view, the best interests of the child, the protection and respect of his fundamental rights.” Albanian Adoption Committee is dedicated to protecting the health and emotional wellbeing of children able abandoned, turning to find a

family environment able to provide the child love, affection, education, development and normal life. On his mission Albanian Adoption Committee brings the experience of cooperation in the national and international levels.

Purpose. Through adoption, the Albanian Adoption Committee aims and aims to create a new permanent family within the legal framework mainly for abandoned children, children whose natural parents are unable to fulfill this responsibility.

Functioning. Albanian Adoption Committee is a collegial body that operates under the Ministry of Justice and composed of representatives from the Ministry of Justice, Health, Education, Labor, Social Affairs and Equal Opportunities, the Foreign Ministry Public Order, Finance, Law Faculty and the Association of Orphans. Albanian Adoption Committee headed by Chairman who represents the Albanian Adoption Committee in all its activities. Albanian Adoption Committee consists of: Managing Board, President, Executive Secretariat. Albanian Adoption Committee extends its activity in all domestic territory and its activity is determined by the internal regulations [3].

Albanian Adoption Committee is only the Central Authority in Albania in defense of children's rights in the field of national or international adoption. Albanian Adoption Committee in its activities aimed to guarantee the highest interest declared abandoned children to ensure adequate domestic and dignified in order to create conditions for their upbringing and education. He works as a collegial body under the Ministry of Justice and in accordance with legal provisions that are precisely defined in a number of conventions, laws and byproducts derived in support of the latter [4].

The Committee shall consider and decide on the adequacy of the adoptive applicants and written consent for the realization of any adoption. He supervises periodically all adoption cases, and in cases of adoption, it cooperates with the central authorities of other countries where adoption is performed. Serbian Committee cooperates with child care institutions, public and non-public. 6 United Nations Convention. In the preamble of the Convention of UN sanctions that the family is "grouping basis of society and the natural

environment for the growth and prosperity of all its members and particularly children" and that "the child for the full development and Harmonic to his personality, should grow up in a family environment, in an atmosphere of happiness, love and understanding.

The Hague Convention. The Hague Convention of 1993 hopes to establish a central authority not only in host countries but also in countries of origin, who accredit organizations working in the field of international adoption. The Convention [5] emphasizes the creation of a framework of cooperation between states in order to ensure that the procedures in the best interests of the child and with respect for their fundamental rights. It is precisely Article 1 of the Hague Convention sets out what are its goals: a) be safeguards to ensure that intercountry adoptions are made in the best interests of the child and with respect for their fundamental rights set out in the international law; b) the created a system of cooperation between the Contracting States to ensure that those safeguards are respected and thereby prevent the abduction, sale or trafficking of children; c) to secure the recognition in Contracting States of adoptions made in accordance with this convention.

While Article 2 of the Hague Convention determines when and in which case applies. The Convention shall apply where a child habitually resident in a) Contracting ("the receiving State"), or after the adoption of his State of origin by spouses or a person habitually resident in the receiving State, or for the purposes of such an adoption in the receiving State or in the State of origin. b) The Convention covers only adoptions which create a permanent relationship parent-child relationship. Under Article 3, the Convention ceases to apply if the agreements referred to in Article 1 sub-paragraph c, which expressly states that the Central authorities of the two countries have agreed that the adoption may proceed..not been given before the child eighteen years of age.

UN role in child protection [6]. The UN through its various funds is trying hard to raise awareness on the protection and welfare of children in society. The Convention on the Rights of the Child (adopted by the General Assembly in 1989) has

been human to Convention on the Rights ratified in history. It recognizes the special vulnerability of children and proclaims that childhood is entitled to special care and assistance. Preface and many articles highlight the importance of family and the need to create an environment that is conducive to the healthy growth and development of children. Declaration of the United Nations on the legal principles of social issues related to the protection

and welfare of minors, paying special attention to the guardianship family and adoption national and international, (approved nga General Assambly 1986) "the Hague Convention on Protection of Children and cooperation in the field of international adoptions" (1993), are other international mandates that invite to preserve the rights of those children for whom family life can only be guaranteed by the guardianship and adoption [7].

References:

1. Historical resources are taken near Tirana, the Albanian Adoption Committee, July 2016.
2. Law 7650 of 17, 12, 1992 "On Adoption of minors by foreign citizens and for some changes to the Family Code".
3. Historical resources are taken near the Albanian Adoption Committee, Tirana 2016.
4. Law no. 8624 dated 15.6.2000 on accession of Albania to the Hague Convention "On protection of children and cooperation in adoptions abroad", published in the Official Gazette No. 18, July 2000. United Nations Convention of 20 November 1989 "On the rights of children", which entered into force on 03.28.1992.
Law no. 9062 dated 08/05/2003, "Family" (published in the Official Gazette No. 49, June 2003 page 1907 and entered into force on 21/12/2003.
Law No. 9695 dated 19/03/2007 "On adoption procedures and Albanian Adoption Committee" (published in the Official Gazette no. 36, April 2007, P. 960).
Law No. 10 221, dated 4.2.2010 "On protection from discrimination".
Law No. 9887, dated 10.3.2008 "On protection of personal data".
Nr.10358 law, dated 16.12.2010 "On some amendments to Law no. 9695, dated 19.03.2007 "On adoption procedures and Albanian Adoption Committee".
Law Nr.9443 dated 16.11.2005 "On accession of the Republic of Albania to the Convention on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement cooperation in respect of parental responsibility and measures for the protection of children".
Law Nr.9359 dated 05.24.2005 "On the European Convention ratification relationships with children."
Law Nr.9446 dated 24.11.2005 "On accession of the Republic of Albania in the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction".
Law Nr.9544 dated 29.05.2006 "On ratification of Agreement between the Government of the RA Government of the Hellenic Republic for the protection and assistance of child victims of trafficking".
Law No. 9669 dated 18.12.2006 "On measures against violence in family relations".
DCM Nr.399 dated 01.06.2011 "On the composition and rules of operation of Commission approval Intermediaries Foreign Agencies".
Internal Regulation of the DAC's Institution.
5. Adoption pursuant to Law no. 9695 dated 19/03/2007 "On adoption procedures and Albanian Adoption Committee" amended by Law No. 10 358, dated 16.12.2010 "On some amendments to Law no. 9695, dated 19.03.2007 "On adoption procedures and Albanian Adoption Committee".
6. Law No. 8624, dated 15.06.2000, for adherence to the "Hague Convention", "On Protection of Children and Co Adoptions abroad".
7. The Hague Convention on Protection of Children and cooperation in international Adoptions, 1993.

Contents

Section 1. Conflictology	4
<i>Marukhovska-Kartunova Olga Alexandrovna</i> Ethnopolitical conflict studies in Ukraine: process of formation and perspectives of scientific institutionalization	4
<i>Medovkina Lina Yuryevna</i> History of the information wars	10
Section 2. Political regionalism. Ethnic policies	14
<i>Alekseev Vladimir Mihaylovich</i> Rebranding of the Russian Federation in the European Federation	14
Section 3. Political problems of the international relations, global and regional development	18
<i>Kan Den Sick</i> Relations changes between China and North Korea	18
Section 4. Comparative politics	22
<i>Christian W Haerpfer, Kseniya Kizilova</i> Patterns of conventional and unconventional political participation in global comparison	22
Section 1. Civil procedure	26
<i>Krukoves Valeriia Vladimirovna</i> Some issues of consideration statement in the proceedings of setting the fact of living together men and women without marriage	26
Section 2. Constitutional law	32
<i>Yurkovski Alexey Vladimirovich</i> Constitutionalism as a result of constitutional revolution, the teaching of the constitution and its impact on society and the state	32
Section 3. Business law	36
<i>Yordanova Margarita Stefanova</i> Insolvency of individuals — theoretical and comparative legal aspects	36
<i>Smolenskiy Mikhail Borisovich, Levshin Nikolay Sergeevich</i> The actual problems of legal maintenance for multilingual web-interfaces	40
Section 4. Criminal law and criminology	44
<i>Mashinnikova Natalia</i> Fraud, matter, methods of execution	44
Section 5. Property law	49
<i>Shkëndi Çili</i> Analysis on legal activity of Albanian Adoption Committee and the authorities to guarantee the protection of children in the field of national or international adoption	49